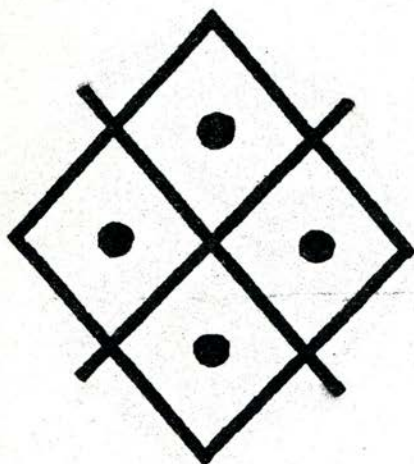

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

•
РУДЕНКО В.Н.

*РУССКИЙ ПОПУЛИЗМ:
ИСТОКИ, СМЫСЛ, СУДЬБА*

ЕКАТЕРИНБУРГ
1993 г.

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

РУДЕНКО В.Н.

**РУССКИЙ ПОПУЛИЗМ:
ИСТОКИ, СМЫСЛ, СУДЬБА**

ЕКАТЕРИНБУРГ
1993 г.

УДК 329
Р83

Руденко В.Н. Русский популизм: истоки, смысл, судьба.
Екатеринбург: УрО РАН, 1993.

В предлагаемой работе прослеживается генезис, развитие и историческая судьба традиции русского популизма в XIX-XX в.в. Автор приводит свое определение популизма и применительно к отечественным реалиям стремится дать многомерное его понимание.

Работа предназначена для научных работников, социологов, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, всех, интересующихся историей и теорией российской политической мысли.

Ответственный редактор: Модель И.М., канд. филос. наук

Рецензенты: Киселев К.В., канд. филос. наук
Можкин С.В., канд. филос. наук

Н 42 (03)

ISBN 5-85004-002-1

УрО РАН, 1993

ВВЕДЕНИЕ

На обложке данного издания изображен древний символ засеянного поля, земли. Земля — одна из ключевых мировоззренческих категорий в истории русской культуры. Земля и люди /народ/ образуют единую композицию на известном изваянии Збручского идола и воплощают собой важнейший элемент Рода. Вопрос об обустройстве земли русской проходил красной нитью через все бунты, смуты и революции. Органически он перерастал в крестьянский вопрос и далее в проблему народа: за кем народ, за тем и земля русская; как решит народ, такой и быть земле. Все русские революции в XIX столетии имели своим символом "народ-самодержец". Их дух выражен словами Велимира Хлебникова:

Свобода приходит нагая,
Бросая на серпце цветы,
И мы с нею в ногу нагая,
Беседуем с небом на "ты".
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
Да будет народ государем,
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы сплут у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподданном солнца —
Самодержавном народе.

Данные строки можно отнести и к современной русской революции, начавшейся с вековых вопросов "Как обустроить Россию?" и "Чего хочет народ?".

Осознание значимости народа, как самостоятельной общности пришло к политикам еще в древности. В свое время братья Гракхи выступили лидерами группировки популяров в Древнем Риме. В ходе проводимых аграрных реформ Гай осуществил раздачу земли, дешевого хлеба и другие популярные мероприятия. Спустя столетия за защитниками и выразителями устремлений и мнений народа закрепилось наименование "популисты". Кто же такие российские Гракхи? Какие пути и средства обустройства земли русской они предлагали и предлагают? На эти вопросы и пытается ответить автор.

1. РАДЕТЕЛИ БЛАГА НАРОДНОГО

В России слово "популизм" — иностранец. Нетрудно догадаться, что происходит оно от латинского "*populus*" — народ. Но при первой же попытке применить данное понятие к отечественным реалиям можно столкнуться с его крайней неопределенностью. "Народ" в России слово святое. Кто у нас не клялся именем народным? Западники и славянофилы, анархисты и нигилисты, народники и эсеры, представители большевизма, современные национал-патриоты и коммунисты, наконец, демократы — везде мы встречаем преклонение перед народом. Увы, ситуация эта — не доморощенное явление. В западной социологии, где исследование популизма имеет давнюю традицию, смысл данного понятия столь же не прояснен. С тех пор, как в 90-х годах прошлого века оно попало в американский политический словарь, диапазон его применения в разных странах оказался чрезвычайно широк. Для некоторых авторов популизм стал синонимом аграрничества. Другие же именуют популистами политиков, которые становятся лидерами народа в борьбе против специальных привилегий. Более того, термин этот с одинаковым успехом используют как при характеристике движения "зеленых" в Западной Европе, так и при исследовании толстовства, антисемитизма, маоизма, маккартизма, студенческих движений и движения потребителей в США¹.

И все же в такой многоликости вырисовываются некоторые общие черты, позволяющие говорить о наличии определенного качества. Усматривая причины появления популизма в столкновении мелких производителей с законами индустриального общества, зарубежная историография связывает его со стремлением к упрощению решения сложных проблем, а также с восприятием истории как серии заговоров. В своих же крайних формах популизм связан с изоляционизмом, ксенофобией и воинствующим антисемитизмом. Популизм ассоциируется с мистическим ощущением, что против народа плетется сеть тайных интриг со стороны враждебных внешних сил

¹ В бывшем СССР проблема популизма ставилась В.Г.Хоросом. См.: Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. Был также издан добротный обзор зарубежных источников /с грифом "ДСП" тиражом 500 экз./. См.: Салмин А.М. Популизм как идеология и массовое движение /научно-аналитический обзор/. М., 1980. Здесь я использую эту работу.

и правительства /"врагов народа"/. Отсюда ему свойственна приверженность идеологии и практике тотального отрицания. Популизм весь "анти": антикапиталистический, антиурбанистский, проникнутый чувством враждебности. Цель этого негативизма - "благо народа", всегда слабого, нуждающегося в защите от официальных властей, интеллектуальной элиты и организованного пролетария. Зарубежные исследователи подчеркивают и стремление популистов к идеализации прошлого /крестьянской общины и фермерского хозяйства/, сочетающееся с тягой к морализаторству, с использованием национальной одежды и символики. Вместе с тем, у многих популистских ориентаций не отнять и конструктивных идей: кооперации, стремления к демократизму и уважению естественных прав и свобод человека.

Все эти характеристики, разумеется, есть результат определенной идеализации, так как едва ли можно назвать конкретную партию классически популистского толка. Популизм никогда и не оформлялся в отдельную партию или движение, не выдвигал своих вождей. Скорее всего он есть движение в движении, латентно вызревавшее на почве национальной культуры, но постоянно прорывающееся наружу настроение, определенная психология и вера. Он проявляется спонтанно в поступках и взглядах отдельных лиц, в ориентациях политических группировок, в окрашенности теорий и учений. Симптоматично, что никто из политических деятелей не идентифицирует себя с популистом. Бытие в качестве популиста - это всегда бытие для другого. Поэтому популизм, как правило, представлен в оценке, исходящей от рефлексирующего над политической жизнью сознания. В то же время его нельзя отнести и к явлениям субъективистского толка. Исследователь не может в данном случае воспользоваться "бритвой Оккама" и распрощаться с термином "популизм", не рискуя отсечь качественно определенное явление, не охватываемое другими понятиями и определениями. Что же касается данного исследования, необходимо подчеркнуть: не будучи сторонником сугубо негативной оценки популизма как упрощенчества, я буду рассматривать его в качестве такой интенции действий, в которой находит выражение стремление использовать имя народа и его исторический потенциал в политических целях на основе заимствования мотивов, образов и устремлений народа. Причем данная интенция характеризуется

различной мерой адекватности умонастроениям части народа и мерой доступности теоретических положений и политических заявлений широким народным слоям.

2. РОССИЯ КАКШАЯ

А не лучше ли отбросить все пространные рассуждения о популизме и воспользоваться устоявшимся словом "народничество"? Думается, что и здесь произойдет подмена понятий. Мне кажется, что известным на Западе исследователям русского популизма Ф.Вентури и И.Берлину не удалось в полной мере уйти от этой ловушки: Ф.Вентури в своем фундаментальном историческом обзоре начинает анализ идей популизма с А.И.Герцена и заканчивает поражением народничества после 1881 г.; И.Берлин, хотя и расширяет исторические рамки движения до народников-экономистов 1890-х годов, лишь мимоходом затрагивает деятельность партии эсеров, а о большевистском популизме умалчивает вообще¹. Невольно создается впечатление, что в начале XX столетия история русского популизма заканчивается навсегда.

Народничество, во-первых, не единственный представитель русского популизма. И Ф.Вентури, безусловно, прав, когда включает в свое исследование нигилизм 60-х годов, заявлявший о "долге" служения народу или бакунинский анархизм, допускавший существование "народного инстинкта" протеста. Во-вторых, не все содержание народничества можно без остатка свести к популизму. Ряд теоретических воззрений народников, как блестяще показали оба упомянутых автора, восходят к западным влияниям /системы Фурье, Сен-Симона, Прудона, Сисмонди, Руссо и др./. Я бы не рискнул также назвать популистскими философские взгляды народников, хотя бы в части, касающейся натурфилософии и тех жарких споров, что разворачивались вокруг проблем добра и зла, счастья, смерти и бессмертия.

Я думаю, что в русской истории XIX - начала XX века популизм чрезвычайно многолик. Можно сказать, что в России он

¹ См.: Venturi F. *Roots of revolution. A history of the Populist and socialist Movements in Nineteenth Century Russia*. N.Y. 1960; Berlin J. *Russian Thinkers*. London. N.Y. 1979 p. 210-237.

стал как особого рода качеством практического движения, так и своеобразной ментальностью, мироощущением и частью самосознания большинства образованных граждан. Популизм стал особым смысловым ориентиром, породившим такие специфические явления как передвижничество и лубочную живопись в изобразительном искусстве, скоморошество Козьмы Пруткова и огромный вес темы народной жизни в литературной прозе, героизацию мужика в поэзии. Все считали своим долгом подчеркнуть приверженность народу. Уже в первой трети XIX столетия характерной приметой времени, по меткому наблюдению маркиза де Кюстина, становятся официальные приемы при дворе, на которых специально отобранная толпа бородатых крепостных крестьян изображала ликующий "народ". В то же время непоказной крестьянин бунтовал, а дороги России полнились каликами переходящими, поторельщиками и разбойным людом. Часть дворян со времен А.Н.Радিশева не могла закрывать глаза на произвол. По стране пошел "кающийся дворянин", стремящийся искупить свой "долг" перед народом. В последующем деревня всецело завладела мыслями и чувствами интеллигенции. Славянофилы выдавали свое учение о церкви и государстве за откровение народной мудрости и в знак солидарности с народом надевали кафтаны и мурмолки, но и другие движения тоже ссылались на идеалы деревни, их приверженцы надевали крестьянское платье и звали к хождению в народ.

Так или иначе синдром покаяния коснулся всех без исключения слоев общества, представители которых вдруг осознали свою оторванность от народа. И если учесть, что в русском языке слово "народ" имеет глубокое философское содержание, уходящее своими корнями к древнейшим представлениям пращуров о Роде, как вместившее бытие¹, то можно предположить, что данное осознание было сравнимо с шоком, который непременно овладеет любым человеком, вдруг оказавшимся в бытийственном вакууме. Ощущение себя

¹ Род у славян — символ целостного мировоззрения, включающего в себя представления о природе, урожае, божествах: "Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его "огненным родством". /Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 453./

в качестве не-народа раскрепостило бессознательную боязнь остракизма. Отсюда такое стремление подчеркнуть свою связь с Родом, свою принадлежность к национальным глубоко народным корням, возродить традицию русской соборности.

Но, хотя принцип народности принимался всеми движениями, он не везде выполнял системообразующую роль. Среди множества политических ориентаций сила покаяния находила выражение в разной мере. В официальной позиции превадировал принцип самодержавия, а народность выполняла, хотя и необходимую, но подчиненную роль. Вспомним триаду Уварова: самодержавие, православие, народность. В случае с западниками и славянофилами на первый план выходит либо вопрос корелляции Запада и Востока, либо национальная проблема. Мужичий кафтан славянофилов оказывался здесь не столько народной одеждой, сколько национальным костюмом. Лишь у народников вперед выдвигается "партия народа" в лице крестьянина, противостоящего "партии царя". Лишь они принимают наиболее близко к сердцу идеи, рожденные в простонародной среде. Лишь они фанатично верят в их справедливость и видят в них альтернативу всем иным реформистским устремлениям. Дело доходит до того, что чуть ли не закладываются основы особой дисциплины - науки о народе. Крестьянин становится основной смыслообразующей категорией, вокруг которой формируется все мировоззрение.

Сказанное позволяет сузить предметное поле предлагаемого исследования и сосредоточиться вслед за зарубежными учеными на наиболее представительном популистском течении - народничестве¹.

¹ Пользуясь данным термином, я отдаю себе отчет в его условности. Не смотря на кажущуюся прозрачность понятия "народничество", уже в конце XIX века его употребление в российской печати было весьма проблематичным. "Народники" 90-х годов именовали себя "друзьями народа", тогда как некоторых своих противников именовали "народолюбцами". Был в ходу и термин "Мужиковствующие", который я считаю наиболее адекватным русским аналогом слова "популизм". У Н.К.Михайловского встречается явное отвращение ко всем этим названиям. Он отмечает, что рассматриваемое понятие стало ругательством в устах марксистов: "За последнее время гг. "диалектические материалисты", чувствуя по видимому, недостаточность ярлыка "народник", несколько усложнили его и направ-

С этой точки зрения не вполне приемлемо определение русского популизма, данное Ф. Вентури, согласно которому он родился из герценовского пессимизма и бакунинской экзальтации "как вера в крестьянскую революцию, поддерживаемую правящим классом — той частью интеллигенции, которая способна защитить интересы и традиции крестьян, и добровольно слиться с ними"¹. Странно было бы связывать зарождение популизма с каким-то лицом, но если это необходимо, то в отношении России можно сказать, что популизм родился, скорее всего из радищевского покаяния и пессимизма. Я также не могу связать русский популизм исключительно с революционаризмом. На мой взгляд, анализ должен затронуть и менее представительные, но популистски окрашенные движения славянофилов /они одни из первых придали слову "народ" категоричное звучание, провели различие между понятиями "нация" и "народ"/, экономистов-народников 80-х — 90-х годов и эсеров. Мой подход позволяет с полным основанием поставить вопрос и о большевистском популизме, о популизме современных политических деятелей. В таком случае неизменным остается лишь то, что в роли опекунов народа в российской истории всегда выступали элитарные слои, интеллектуалы, испытывавшие некое подобие покаяния за роковой отрыв от почвы, от народа или остро нуждавшиеся в его поддержке.

3. УЗРЕТЬ "БЕЛОВОДЬЕ"

Русский популизм — порождение XIX столетия. Однако, при его рассмотрении я не могу обойти такого специфического явления как раскол. Думается, что генетически популизм в России уходит к нему. Раскол стянул и объединил все линии роста народной культуры, развивавшейся в первую очередь в лоне апокрифической переработки христианства. Им была воспринята наивная мудрость сынов персти, дерзнувших проникнуть в тайны Правды и заложивших традицию "отреченных книг". Он не проигнорировал Правды "единого общества" Ермолая Еразма и Правды "общности имущества" Феодосия Косого — Правды, изреченной словами мудрецов свои громы на "народников и субъективистов" /Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 8. С. 711.

I Ventury F. Ibidem. p. 62.

цов, озвучивавших голос народа. Из всего этого раскол заимствовал и пронес в умах староверов не абстрактные рассудочные идеалы, а чувственно-предметные образы, заземлявшие абстракции христианства. Народный идеал Правды — совершенного состояния Рода, включающего понятия "божьей земли", святости труда и братства, идеал, созвучный вековым мечтам о мужицкой монархии, о царе от нищеты, о единообщественности — он возвел в ранг Евангелия.¹ Но подлинное значение раскола состоит в том, что с него в сознании россиян возникает вопрос: в чем истоки и самобытность русской жизни? При всей видимости религиозных разногласий раскол был массовым национально-демократическим движением. Так оценивали его значение и русские сторонники "народного дела". Один из них — историк А.П.Шапов — писал: "Никто тогда не думал, не гадал, что это будет могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского". Он вылился в "одну оппозиционную общинно-согласную, церковно — и — гражданско — народную доктрину...".² Причем это была оппозиционность особого рода. Раскол не выступал против государства и православной церкви вообще. Его гнев был направлен на "прелесть латинскую".

Желанное для раскола — это возврат к исконно русскому укладу жизни. Характерно, что видные представители движения апеллировали, прежде всего, к государственности и вере первых русских князей. Таковы, например, "Поморские ответы" братьев Денисовых. Таково недоумение протопопа Аввакума: "Если мы раскольники и еретики, то и все святые отцы наши и прежние цари благочестивые и святейшие патриархи таковы суть".³ Сердцевиной раскольничьих устремлений становится мирское согласие, земство, община и народ, понимаемый как вселенская церковь. Расколу принадлежит право "первооткрывателя" русской общины и русского крестьянина, личность которого он довел до обожествления. Главное в мирском согласии — это самородные зачатки "особно-област-

¹ О народном идеале Правды см.: Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.

² Шапов А. Земство и раскол. СПб., 1862. С. 28-29.

³ См.: Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 46.

ной" свободы и федеративного устройства, вечевое самоуправление и самоценность человека, соборность, гласность, выборность, высокий уровень нравственности и свободы.

Русский популизм представляет собой вариации на данные темы. Почвенничество, противостояние централизованной власти, доведенный до апофеоза крестьянин — все это свойственно ему. И все же, он отличается от своего прародителя. Раскольниковы идеалы не были отвлеченными мечтами. Предметом вожделений там была сама действительность русской жизни, пережитая и принятая близко к сердцу. Староверы мечтали об общине, которая отнюдь не процветала в допетровские времена и, тем более, не предоставляла своему обитателю широких свобод. Земным воплощением их идеала была страна Выгореция, жители которой по уровню образованности, нравственности и организации хозяйства намного опередили свое время. Однако ближайшее знакомство с внутренним устройством Выгореции /или аналогичным по духу федосеевским общежитием/ показывает приверженность раскольников разветвленной начальствующей иерархии, аскетическому деланию, отвержению своей воли и суровым нравам¹. Но чем глубже заходил процесс разложения существовавших самоуправленческих форм, тем в большей мере русская старина представала в качестве "золотого века". Здесь-то и начинается популистская утопия. За два с небольшим столетия был проделан путь от действительности к мечте. И тогда аскетизм предстал воплощением высокой нравственности, бедность равенством и благоденствием, деспотизм высшим проявлением свободы. Результатом пройденного пути явилось противостояние идеала русского мира обществу европейского образца, олицетворенному в российской государственности послепетровской эпохи.

Раскол был устремлен в непосредственно данное историческое время и пространство, а его сторонники-староверы ощущали себя частью народа /тела Христова — общего народа правоверного/. Поэтому они стремились вернуться к "истинной жизни" даже во времена Антихриста-Петра, сплотившего вокруг себя "мертвые тру-

¹ См.: Любомиров П.Г. Выговское общежитие. Исторический очерк. М., — Саратов. 1924; Шафранов П.А. Выгорецкое старообрядческое общежитие в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Русское богатство. 1893. № 10-11.

ния" отступников. Старые общины существовали рядом и достаточно было их сохранить. Если же это не удавалось, то староверы устремлялись в Сибирь, на Север, где основывали скиты и пустыни. Отдельные такие попытки не прекращались вплоть до XX столетия. Тысячи староверов задумывались над призывами осваивать свободные земли на Дальнем Востоке, устремлялись в Канаду, духоборы и т.д. Но в XIX веке старая община была уже достаточно разрушена. Отсюда наследница русского раскола — старообрядческая церковь уже не могла рассматривать ее как непосредственную данность. В ней мы видим церковь кающуюся в утрате народных корней. Она ставит проблему возрождения общины "апостольского века", когда церковное управление было открытым, публичным, а миряне составляли живую и деятельную силу в церкви и ее делах¹. Таким образом, происходит перенос идеала в ретроспективу. Старообрядцы, которых популистски настроенный русский революционаризм всегда рассматривал естественным союзником народа, устремляют свои взоры в созданную ими свою страну Утопию.

Параллельно радикально настроенная интеллигенция, следуя за эсхатологическими и хилиазмическими умонастроениями крестьян, начинает поиск идеального мира "Беловодья". Стремление это красноречиво очерчено И.И. Каблицем /И. Юзовым/: "Способность нашего народа к самоуправлению можно усмотреть во всех его привычках и действиях. Потребность в нем сказывается и в том, что он уделяет ему большую долю внимания при создании таких идеальных образов практической жизни, которыми он время от времени утешает свою скорбь и которые очень часто побуждают его странствовать и отыскивать так называемое "Беловодье". Это "Беловодье" — земной рай русского крестьянина. Там нет ни убийств, ни воровства, ибо нет бедности, там нет ни налогов, ни чиновников, так как жители его не подчиняются никакому государству. Эта самоуправляемая община, которая существовала не только в воображении крестьян, но и действительно обитала среди гор Алтая, может служить образцом того самоуправления, которое желал бы иметь русский народ"². Легко убедиться, что светский попу-

¹ См.: О древних христианских общинах и образовании старообрядческих общин // Труды восьмого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде, 2-5 августа 1907 г. М., 1908.

² Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни

лизм устремился в перспективу. И если носители народной идеи — правоверные крестьянские массы и идеологи организаций народной утопии по типу Выгореции — были непосредственными участниками своего полуфантастического мира, жили такими, какими они были на самом деле и не нуждались в каком-либо перевоплощении для исполнения "новой" роли, то интеллигенция, пережившая стадию покаяния, перешагнула принципиально непреодолимую для народа грань, за которой начинался претендующий на рационалистичность "русский социализм" в понимании Герцена, Огарева и др. Невольно интеллигент стал актером, вынужденным /не его вина/, что в обществе не все крестьяне/ изображать из себя слугу народа и выразителя его взглядов.

Беловодская легенда, зародившаяся в среде бегунов и духов-боров, зафиксирована впервые в 1807 г. Министерством внутренних дел со слов некоего Бобылева, утверждавшего, что неведомая страна лежит на островах Тихого океана и отыскать ее можно, двигаясь от Бухтармы через Китай. Ввиду неразвитости коммуникаций и неполноты географических данных, предоставленные сведения были восприняты всерьез не только простонародьем, но и самим правительством. Легенда владела умами россиян вплоть до начала нового столетия. По своему характеру она может быть отнесена к разряду сказаний о земном рае, которыми издавна была богата русская земля /легенда о рахмановом острове, о Китеж-граде и т.д./. Каблиц довольно емко выразил ее содержание. Конечно, современные литературоведческие и исторические исследования могут дать более детальное представление о ней¹. Однако, подробно прослеживая подоплеку возникновения легенды, ее версии и варианты, они не дадут реконструкции архитектоники мира "Беловодья"². Между

России. СПб., 1886. С. 124.

¹ См.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. XVII-XIX в.в. М., 1967; Клибанов А.И. Указ. соч.

² Бытует мнение: "Имея в виду легендарность Беловодья, мы, разумеется, меньше всего могли бы ожидать подробного описания его государственного, политического, религиозного, общинного и семейного устройства. Стихийная политическая мысль крестьянства никогда не поднималась до высот политического предвидения, не оформлялась в более или менее четкую политическую концепцию" /Чистов К.В. Указ. соч. С. 256./.

тем, такая реконструкция важна для моих целей. Думается, что внутреннее строение "Беловодья" может быть понято в контексте исканий русского популизма, спонтанно выразившего народные устремления в языке текстов, выступлений и проклятий. В этом переложении языка народного сознания на язык рационалистичной идеологической прозы скрывается тайна русского популизма. Вос-создание образа "Беловодья" является одновременно и реконструкцией популистских представлений о социализме. Социализмом, особенно в 60-е годы прошлого века, переболела значительная часть русской интеллигенции. Популизм тоже был насквозь социалистическим. Но, в отличие от иных представлений, мир "Беловодья", по мнению адептов популизма, вырос из произвольного из инстинктивных стремлений русского крестьянина к социализму и отражал его житейскую мудрость.

Идеальный мир "Беловодья" строился не столько на отрицании всего западного, сколько следовал идее самобытности русского жизненного уклада. В своих мечтах народники скептически относились к возможности капитализации страны. Они отвергали ценности западного общества: были против централизма, частной собственности и индивидуализма, против жажды предпринимательства и эгоистической морали. Однако их социальный проект не был полной антитезой европейскому духу. Он предполагал централизм, предприимчивость и даже индивидуализм. Но все эти явления вписаны в иное измерение. Мирское согласие не чуждо отношений собственности, подчинения и централизма, но отношений таких, какие возможны в рамках общины, то есть строящихся снизу доверху на началах соборности. Народнический популизм насквозь индивидуалистичен, но если индивидуализм на Западе виделся русским популистам эгоистическим сумасшествием личности во имя собственного счастья, то здесь он понимается как принцип главенства интересов реальной личности при столкновении ее с обществом. Для революционера он означает еще и жертвенность во имя народа. Критически-мыслящие личности, разумные эгоисты, одиночки-террористы и заговорщики, способные без колебания взойти на Голгофу — вот разновидности индивидуализма, поставленного на службу народу. И если индивидуализм означает счастье отдельной личности, то личности, непременно, каждой.

В благе личности они видели критерий ценности общины, самоуправления, разделения труда, капитализации, индустриализма и самого прогресса.

Только в силу качественного различия краеугольных жизненных ценностей дух буржуазства был чужд русскому популизму. Если для западной цивилизации такими ценностями выступали капитал, прибыль, процент, рента, рациональная калькуляция, то эпицентром всей русской жизни для популистов была земля. "Народ русский, — отмечал А.П. Шапов, — до того практичен, до того склонен к реализму, к положительности, до того не способен оторваться от земли за облака, что землю взял за основу своего общинного устройства, социальную гражданственность назвал земским строе-нием, людей назвал земскими людьми, их собрания и думы земским советом, земскими соборами, статистические таблицы земляным делом"¹. Отсюда такое внимание к крестьянскому вопросу, сельскому хозяйству. Отсюда такая мистическая вера в мужика.

Земля, земство, земляное устройство — кредо большинства популистски ориентированных деятелей. Уже славянофилы /братья Аксаковы/ обосновывали анархистское по содержанию положение: земля является представителем общественного; народного и личного начала в противоположность государству. В земле — внутренняя правда. В государстве — зло. В земле — сила мнения. В государстве — сила власти. И если государство хочет знать мнение земли, оно должно созывать Земский Собор. С призывом соединения всех русских общин в большие группы и объединения групп в "общем народном, земляном деле /*res publica*/ выступал Герцен. "Настоящий Земский собор нам надо себе завоевать", — вторил ему Огарев. На возрождение земства направлена и официальная политика после 1864 г. А его совершенствование находится в центре внимания народничества конца столетия. Лозунг созыва Учредительного собрания /читай— Земского собора/, популярный в начале XX века по существу имеет такое же содержание.

Земля "Беловодья", таким образом, есть пространство, вме-

¹ Шапов А.П. Указ соч. С. 91.

стилице не знающей формы русской души, культурно-историческая среда обитания и основа мироздания, целиком определяющая натуру крестьянина с тех пор, как со времен языческой Макоши он начал ее обрабатывать. Она вмещает все: и общину, и народ, и плодородие, и дар бессознательного спонтанного творчества у крестьянина, и его специфическую веру, выраженную в символе Христа-землепаша.

Важно и то, что в отличие от староверческой Выгорейи земля "Беловодья" видится здесь во всей ее широте. Протяженность на тысячи верст, охват различных климатических зон, соединенные с приверженностью русского крестьянина к оседлости — вот основа, способствовавшая рафинированию в популизме осознания того, что край "Беловодья" — это необозримый мир разнообразных хозяйственных укладов и форм. Разные земли русского исторического мира имели свою собственную историю. Дон, Алтай, Поморье ... самым существенным образом расходились в своем развитии. Таким образом, российский исторический космос распадался изнутри на множество самостоятельных миров. По этой причине приверженность к земельному устройству в популистских ориентациях органически переходила к отстаиванию общинного устройства жизни. В нем было замечено начало, общее для всех островков в безбрежном океане отечества. Причем, начало, возрождающееся даже в среде вольных хлебопашев. Общинное устройство оказалось едва ли не единственным способом укоренения во вновь осваиваемых землях, где необходимо было трудиться без подсказки правительства, исходя из обстоятельств, то есть по собственному усмотрению на основе самоуправления. Не случайно В.В.Воронцов подчеркивал, что центральная власть просто не в состоянии была проконтролировать все подведомственные ей мирки, а отсюда в Малороссии, низовьях Волги, Заснежье, Ладого, Вятке, Перми, Белозерье в прошлом самоуправление" было полное и, кроме мирской сходки и мирского приговора, обыватели не знали никаких авторитетов и никаких постановлений"¹. В многообразном историческом мире только самоуправляющиеся образования могли способствовать сохранению его целостности и быть альтернативой дес-

¹ Воронцов В. Очерки общинного землевладения в России. СПб., Б.г. С. 232.

потическому правлению. Отсюда приверженность самоуправлению перерастала в принцип федерализма. Не потому ли Герцен как разумеющийся констатирует тот факт, что "централизация противна славянскому духу, федерализация гораздо свойственное его характеру"¹; а истинное историческое существование славянского мира видит в союзе свободных и самобытных народов?

Именно в феномене общины популистская психология уловила остов, задающий архитектуру будущего общества. Для поборников народной идеи она предстала той заземленной формой хозяйствования и управления, в которой сочетается чувство коллективного собственника и личная ответственность, обложение со стороны государства и независимость, по существу исключая негативизм частного предпринимательства. Явление общины было легитимировано теми, кто увидел в ней прообраз свободного и независимого от экономических потрясений земельного микрокосма, образованного на началах добровольного союза свободных производителей, чья деятельность регулируется изнутри за счет беспринудительного договора между равноправными сторонами.

Характеризуя общину, Огарев писал: "При свободном развитии общинное землевладение может достичь больших результатов земледельческой промышленности; потому что в его внутреннем смысле лежат две системы обработки: система сосредоточенной собственности, потому что община есть большой землевладелец, и система дробной собственности, потому что каждый крестьянин есть дробный собственник /заметьте - не помещик/, и обе системы сливаются в одну свободную общину"². Общественное пользование и владение землей и орудиями труда символизировало начало, дающее простор развитию личности. При нем собственность и труд слиты воедино, и в этом слиянии заключается гарантия личной свободы. Путь к ее достижению виделся в реализации принципа справедливости, зиждущегося на равном распределении. "Переход всей зем-

¹ Герцен А.И. Русский народ и социализм // Избр. филос. произв. М., 1948. Т. 2. С. 142.

² Огарев Н.П. Крестьянская община // Избр. социально-политические и филос. произв. М., 1952. Т. I. С. 169.

ли в руки сельского рабочего сословия ... и равномерное ее распределение"¹, — это первый и важнейший пункт программы популистски ориентированной организации "Земля и воля". Данное требование неоднократно повторено в прокламациях и теоретических статьях народников. Восходит оно к глубоко народным корням — к неподдающейся рациональному объяснению вере, вербально выражающейся в лаконичной фразе: "Земля ничья — она от Бога!". А раз так, то обшежителство имманентно русской жизни, причем, обшежителство, основанное на равном пользовании землей, без деления на сословия и чины, то есть без всего того, что размещивает землю, раздробляет народ, а, в конечном итоге, ведет к гибели Рода. Вера в ничейную землю, званную "старожильцами", обрабатывавшими ее по праву трудовой заимки, характерна для всего популизма народнического типа. Она, в свою очередь, наложила отпечаток на русский социализм, а именно, в какой-то мере определила его направленность на отношения распределительного характера с лозунгом "Отнять и поделить!".

Отсюда же следует, что от самой земли дано общине быть источником положительной народной нравственности. Община сильна миром и братством — таким сообществом людей, которое не ограничивает их взаимоотношения простыми евангельскими истинами. Здесь каждый в своем поведении и образе мыслей должен стремиться к общему, заботиться о другом, не противопоставлять себя миру. В противном случае земля лишится коллективной питательной силы и обеднеет. Морализаторство, мистическая вера в народ, в коллектив, как горнило высокой нравственности и разумности — это тоже атрибут русского популизма. "В народе всегда выражается истина. Жизнь народа не может быть ложью", — утверждал Герцен. "У русского народа, — продолжал он, — нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко-народная; немногое, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привлекает его еще больше к его правам и общинному устройству"². Вспомним также незабвенные образы "новых людей" —

¹ Программа "Земли и воли" // Архив "Земли и воли" и "Народной воли". М., 1932. С. 53.

² Герцен А.И. Русский народ и социализм ... С. 142.

Рахметова и Андрея Кожухова, у которых вера в народ оплодотворяла их высоконравственную сущность и готовность к самопожертвованию, доходящую, по словам одного из создателей этих образов — Степняка Кравчинского, до степени высокого религиозного экстаза. Наконец, задумавшись над размышлениями столпа русского народничества конца прошлого столетия И. Юзова, всерьез заявлявшего об истинной интеллигентности русского народа, измеряемой не уровнем знаний, а степенью нравственности, которая выше любой другой, так как народ живет в мире. Не следует ли из данных рассуждений, что пребывание вне мира, вне общины, вне народа противоестественно, безнравственно и зло? Положительный идеал народной нравственности в популистской интерпретации, тем самым подводит базу под оправдание беспощадности и безнравственности отечественного революционаризма в отношении так называемых врагов народа.

Естественно-исторические, жизненно-народные, идущие от самой земли основания, превалируют и в рассуждениях вокруг народного права. В "Беловодье" не действует писанный закон, здесь правит народная самозаконность и самосуд. Это царство мужицкого демократизма, которому открыта правда вечная, совершенная и непрехватная, правда, представленная заветами предков и заповедями. Субстанция правды — в Боге, сотворившем землю, а точнее — в Боге-землепаше. Еще в середине XVI в. крестьянским идеологом Ермолаем-Еразмом была сформулирована простая истина: правда Богом даром сотворена.¹ Поэтому в "Беловодье" нет издоимства в суде, нет чиновников, урезающих правду. Народ живет по правде сам, а потому жизнь его не подлежит толкованию и, тем более, правовому регулированию извне. Не случайно Герцен восхищается тем, что народ уважает только те правила и установления, что отвечают его представлениям о законе и праве. Он восторгается, что крестьяне, доверяя друг другу, не знают контрактов и письменных предписаний. Убеждение в том, что опираясь на общину и обычное право, Россия выберется из плена Вавилонского, было присуще и популизму 80-х — 90-х годов, с той лишь разницей, что его представители не испытывали неудержимого герценовского энтузиазма. Анализируя итоги двадцати пореформенных лет, В.В. Во-

¹ См.: Клибанов А.И. Указ. соч. С. 44.

ронцов писал, что новое законодательство не покаяно народу, внутренне живущего своей жизнью. Поэтому он устремляет свой ностальгический взгляд к тем временам, когда большая часть России жила вне круга действий правительства.

В ту же канву земельного мышления умещаются размышления популистов о необходимости развития земледельческой народной промышленности. Специфическим для России был поиск ответа на вопрос: что важнее — национальное богатство или народное благосостояние? Он волновал все народничество. Ход рассуждений был таков: пусть при общинном владении общая ценность продуктов производства меньше, чем при "владельческом" пользовании, зато народное благосостояние во столько же раз больше. Необходимые расчеты и доказательства в подкрепление данного тезиса привел Н.Г.Чернышевский. Он же впервые, если не сформулировал, то ясно провел принцип примата распределения над производством: достаточно наладить разумное распределение и малого будет достаточно всем, чего нельзя сказать об индустриальной цивилизации, создающей огромное национальное богатство, сосредоточенное в руках немногих. Данный принцип и явился решающим аргументом в пользу отстаивания главенства народного благосостояния.¹

Можно не сомневаться в справедливости многих идей, связанных с земельным, общинным устройством. За пределами данной общины-микроскопа для крестьянина начиналась область чужого /"чужая вотчина", "чужой монастырь"/; там господствовал другой закон и иной уклад. Там доверие сменялось подозрительностью, а земледелец уже не выглядел интеллигентом. Вне мира он выглядел жуликом и бунтарем, чужеземцем в своем отечестве. Его способность к незамутненной по детски ясной мысли исчезала. Оставалась только грубая иррациональная плоть — непредсказуемый в своем поведении косматый мужик. Одним словом, общинная земля представляла собой ту ойкумену, где крестьянин только и мог проявить себя как личность. Вне ее мир был попросту репрессивен и человек там не был свободен.

Здесь мы приблизились к конечной гавани страны "Беловодья". От Земли дорога привела к Воле. Земля, земство, община, общежи-

¹ Подробно об этом см.: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. СПб., 1911. Т. 2. С. 9-19.

тельство, народная нравственность и самозаконность, народо-
правство и народное производство были выражением не только ес-
тества жизни русского крестьянина, но и воплощением его свобо-
ды. "В старину, — продолжал свои размышления Шапов, — гости посад-
ские и крестьяне пользовались полным правом житейской свободы,
жили на всей своей воле. Горожане назывались вольными мужиками,
крестьяне — тоже вольными, охочими людьми. Свобода была осно-
вой земского территориального устройства жизни. Принципом сво-
бодного перехода земских людей было правило: вольным воли. В
самом названии усадеб, оседлости, ассоциации вольного, сво-
бодного труда выразилась идея свободы: свободное торгово-про-
мышленное поселение называли слободой — от слова свобода. ...
Вследствие сильной, несдержимой, полной воли, развивался в на-
роде могучий колонизационный дух, широкий разгул, простор
воли"¹.

Требуй для народа земли без выкупов и платежей, призывая
к созыву Земского собора, выбранного всем земством, интелли-
генция звала крестьянина к воле. В своих лозунгах она исходила
из зоны ближайшего развития земледельца, то есть пропагандиро-
вала житейское представление о свободе. Воля значила, что на-
род должен управляться мирским согласием посредством выборных,
а не приказных людей и не помещиков. Землей должен быть наде-
лен каждый, а денежный сбор, предназначенный на общее дело, не
должен отчуждаться в пользу чиновников. Воля означала, что суд
вершится людьми выборными, которым народ доверяет, вершится по
совести и по разуму народному, а не людьми, неизвестно откуда
присланными и судящими по закону, писанному не понятно для ко-
го. Воля значила веру в Бога по совести. Она означала отсут-
ствие насильственной рекрутчины и службу для охраны той мест-
ности, где человек живет. С волей связывалась надежда на от-
сутствие паспортов, на свободу передвижения и выбора занятий².

Единый русский народ, таким образом, должен проводить
свою жизнь в наслаждении, а не в страданиях.

¹ Шапов А.П. Указ. соч. С. 104.

² См.: Старев Н.П. Всеми народу русскому, крестьянскому//
Избр. социально-политические и филос. произв. М., 1956. Т. 2.

Итак, образ "Беловдья" перед нами налично. Фундаментальными его ценностями являются Земля и Воля. Земледелие и вырастающая из него община составляют мир русского крестьянина. Как главное действующее лицо он сам управляет своими делами через мирское согласие, земство и Земский собор. Многочисленные островки российского мира объединены в единую федерацию свободных народов. Крестьянин не делает ставку на промышленность, но живет лучше, чем рабочий индустриального Запада, ибо наладил справедливую систему распределения. Залогом тому является природная нравственность, народный закон и механизмы общественной собственности. Народ свободен и счастлив.

4. ВОКРУГ ОБЩИНЫ

Конечно же, "Беловдье" было идеалом, одинаково далеким как от староверческой Выгорецки, так и от самой российской действительности прошлого столетия. Да, земледельческая ориентация страны на ближайшую перспективу была очевидна. Да, главным в России являлся крестьянский вопрос. Но вот что смущало самих популистски настроенных интеллигентов: при всей добропорядочности выходцев из народа, большинство крестьян обитало в омуте дикости и варварства. Петрашевец Ашхарумов писал по этому поводу: "... Они дики, зверски ленивы, их нельзя исправить ничем, и они никуда не годятся, и таких едва ли не больше в России. Они едва умеют говорить: если спросишь, неохотно отвечают или совсем не то, что спрашиваешь; между ними куча пьяниц, воров и даже убийц — это все жертвы нашего общества; от них всего можно ожидать при освобождении; смотря на них, даже не возможно себе представить поступка, на который бы не решился этот злодей, обезображенный тяжелой жизнью, — этих нельзя переделывать"¹. Больше того, люди, знавшие общину изнутри, отмечали, что крестьянские земли всегда хуже обработаны, чем соседние, находящиеся в частном владении. Сходы, состоявшие из жителей деревни, решают дела, им не подлежащие. Зачастую же сходы бывают пьяными. Старосты выполняют решения сходов беспрекословно

¹ Ашхарумов Д.Д. Автобиографическая записка // Философские и общественно-политические произв. петрашевцев. М., 1953. С. 676.

но, как бы несправедливы и противозаконны они ни были. Выбранные народом, они считают его волю превыше всего. Так думают и крестьяне, выбирающие старосту добродушного и покладистого. Произвол помещика или чиновника при таком порядке замещается произволом большинства, а самоуправление становится школой оклокра-
тии, анархии и беззакония.

В чем же причина бедственного положения общины? Для сторонников капитализации России ответ был очевиден: источником всех бед является сама община. В то время как успехи в хлебопашестве все более зависели от позитивного научного знания, община, по их мнению, обращалась к идущему от дедов умению пользоваться землей. Сам общинник не распоряжался землей, а потому мало заботился о ней, живя со дня на день. Необходимость бесконечных переделов удерживала его от рачительной обработки земли и внесения в нее удобрений. В развитом аграрном обществе возможность полнокровного хозяйствования и самоуправления зависела также от знания "писанных законов". Между тем, общинное население было неграмотно. Разумеется, что земля должна быть записана от чрезмерного обложения, но в то же время, живущим рядом с крестьянами было известно и то, что, чем меньше они должны платить, тем меньше работают и больше пьют. Ради собственного благосостояния и благополучия своих детей трудилась незначительная часть населения. "Главное препятствие нашей самостоятельности у нас — общинное владение и — следствие его — круговая порука. Оно останавливает всякую личную предприимчивость, уничтожает значение семейства, этого основания порядка и нравственности; наконец, уничтожает желание трудиться, потому, что собственность недостаточно обеспечена..."¹, — делает вывод анонимный знаток пореформенного времени, обстоятельно описавший уныло-серую картину подлинной жизни русского общежития.

Приведенная критика общинного землевладения обнажала важное противоречие, сокрытое в историческом мире России второй половины XIX столетия. Сопряженная с популистскими доводами в пользу крестьянского мира, она заставляла сделать вывод: ликвидация общинного уклада означала бы уничтожение всего земельного мироздания, но и его консервация означала бы то же самое.

¹ Европеец. Молодая Россия. Штуттарт. Б.г. С. 79-80.

Популистские деятели сознавали данную ситуацию. Но они видели в общине зерно, способное к дальнейшему развитию. Все недостатки общины, связанные с темнотой, безынициативностью и легендарной ленью народной массы, они объясняли деспотизмом самодержавия, подобного одному из тех сказочных чудовищ, которых умилялись человеческими жертвами и чьей надежной опорой являлись подлещи, дураки, грабители, тогда как всякий проблеск ума, совести и таланта считался признаком чего-то враждебного. В равной мере будущность общинных начал, достойных совершенствования /самозаконность, самоуправление, мирская сходка, институт выборов и гласных, коллективная собственность на землю/ народнический популизм всегда связывал с вопросом о характере существующей государственной власти: "Именно у нас, в России, особенно не следовало бы его игнорировать. Наше государство — совсем не то, что государство европейское. Наше правительство — не комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а — самостоятельная, для самой себя существующая организация, иерархическая, дисциплинированная ассоциация, которая держала бы народ в экономическом и политическом рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов. ... По духу нашего государства — все население существует, главным образом, для него"¹.

Соприращенность проблем переустройства России с решением политических вопросов в условиях пореформенного времени была чрезвычайно важна. В зеркале популизма она имела двойное значение: во-первых, давала весомый аргумент в защиту крестьянского мира от нападков его противников, во-вторых, давала шанс, пусть волевыми средствами, но остановить прогрессирующую деградацию института общины. Всесторонняя критика и последующая ликвидация абсолютизма, с точки зрения популистского сознания, открывала путь к коренному изменению места самой общины в обществе и изменению русской государственности в целом. Связка "община — государственность" стала для него своей "нитью Ариадны", придерживаясь которой можно с уверенностью выйти из лабиринта исторических противоречий. С этой точки зрения критика

¹ Литература партии Народной Воли. Вып. I. Третье приложение к сб. "Государственные преступления в России". СПб., 1907. С. 4.

общинного устройства устами "европейца" представлялась поверхностной, так как она описывала только данное глазу, но не разуму. Причем, популизм не останавливался здесь на банальном обвинении государства во всех грехах. Доказывая живучесть общины, он не подменял вопроса о ее внутренней способности к саморазвитию сторонними проблемами¹.

Суть проблемы заключалась в двойственности института общины. Еще до реформы 1861 года интеллигенция отчетливо осознавала различие между общиной поземельной и административной. Народничество сполна оценило теоретические выводы молодого западника К.Д.Кавелина, которые свидетельствовали, что индивидуальность крестьянина, простор личности и гражданскую самостоятельность подавляет отнюдь не поземельная община, а административная ее сторона, сросшаяся с государством¹. Взымание податей, соблюдение рекрутской повинности, надзор за каждым из членов в отдельности, использование в отношении их принудительной силы, наказание за отлучки и круговая порука — все это относится к фискальной стороне. Поэтому сами же "друзья народа" критиковали общину с неменьшим усердием, чем ее противники.

Они были едины в одном: неудачи реформ 60-х годов напрямую связаны с обструкционистской политикой государства, не желающего решать проблему малоземелья и в ущерб поземельной общине покровительствующего частному капиталу. При этом они высказали много вздорного и наносного. Публичные упрёки в адрес государства в том, что оно сознательно культивирует буржуа и растит городского пролетария, свидетельствовали о недостаточно проникновенном понимании социальных процессов. Однако в популистской критике административной общины содержалось немало здравых идей. Реформа должна была освободить крестьян от чиновничьей опеки. Общинное землевладение и сельское самоуправление призваны были дополнить этот основной принцип преобразований и открыть народному хозяйству перспективы самостоятельного развития. Таков был смысл реформ. Такова была и их цель: избавление России от пролетариата и плутократии открыто ставилось во главу угла. Но все эти преобразования могла осуществить только само-

¹ См.: Кавелин К.Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989.

стоятельная и богатая община. На деле же налоги и платежи общины были по-прежнему несоизмеримы с ее доходами. Условия хозяйствования фатально осуждали культуру и образование на косность и застой. До бесстыдства неудобное наделение крестьян землей; постоянный ее дефицит являлся, с точки зрения популистов, истинной причиной мифического безделья и лениности русского крестьянина. Только данные обстоятельства заставляли его искать выход в промыслах, аренде и оставлении хозяйства, а следовательно, и в пополнении класса городских рабочих. "Противникам общины, — отмечал уже на исходе XIX века Д. Протопопов, — не угодно видеть причину этого явления в недостатке у крестьян не только *Weide* и *Wald*, но и *Feld* /в Швейцарии эти три слова стали поговоркой, указывавшей на необходимые элементы всего хозяйства/, и объясняют они это просто избытком свободного времени"¹.

Не лучшим образом обстояло дело и в области земского самоуправления. После реформ середины 60-х годов земство обрело круг деятельности, отличающийся чрезмерной широтой и неопределенностью. Вдобавок, оно не выражало интересов всего местного общества. Хотя в гласные попадали представители почти всех слоев, действительно рабочей общественной силой выступали лишь земские управы, имеющие ограниченное число членов². Таким образом, и здесь главенствовали административные отношения. Государство все более поглощало собой крестьянский мир и превращало общину в сборщика податей и орудие полицейского надзора. В то время как в задачу общины входило стимулирование земледелия, развитие культуры и просвещение "облуждавших во тьме", она выполняла функцию доносителя на крестьян, которые вместо того, чтобы сеять гречу вдруг ударялись в политику.

Подлинная же трагедия крестьянского мира для популистского сознания состояла в том, что при условии усилившегося огосударствления общины в корне менялось ее историческое предназначение. По существу она становилась поставщиком средств для развития

¹ Протопопов Д. Агрономическая политика общины // Русское богатство. 1893. № 7. С. 87.

² См.: Воропонов Ф. Земские задачи и силы // Слово. 1879.

промышленности, банков, железных дорог, предоставляла своему же губителю — капиталу — армию промышленного пролетариата. Перед лицом надвигавшегося капитала община оказалась гораздо покладливее, чем можно было ожидать. Причина этой пластичности, как представлялось защитникам народа лежала не в естественной ее слабости и неспособности к развитию, а в обеднении, оскудении, ослаблении ее сил и средств, созданном искусственно внешними неблагоприятными условиями.

Отсюда ясно, что в "Беловодье" административной стороны общины как бы не существует. В конструировании идеального образа будущего земного рая русского крестьянина популистское сознание ориентировалось исключительно на поземельную общину. Только через нее можно было достичь главной цели — развития личности и наделения народа реальной властью. Этот процесс в глазах популистов разных направлений мыслился неодинаково: либо, совместно с интеллигенцией народ разрушит послепетровскую машину самодержавной власти и установит, как об этом было заявлено в программе организации "Земля и воля", "анархию и коллективизм", либо, овладев наличными государственными структурами, создаст режим наибольшего благоприятствования для развития поземельной общины /популизм 80-х — 90-х г.г./. Но и в том, и в другом случае поземельная община представлялась им маленьким "государством" со всеобщей подачей голосов. Сама по себе она не нуждалась в административной надстройке. Поэтому популистское сознание всегда отдавало приоритет крестьянскому миру не только в отношении абсолютического государства, но даже в отношении земства. Для него мир управляется на более справедливых началах, чем земство, так как самоуправление в "чистом" виде существует только в мелких общинах, где всякий сочлен знает нужды свои и других. Самоуправление же посредством выборных приближается к типу, хотя оно всегда несравненно выше этого последнего. Каблиц писал в связи с этим: "Децентрализация самоуправления должна быть идеалом практической жизни, а потому и должно ограничиваться только при очевидной необходимости уступить часть своих прав централизованному самоуправлению, то есть через выборных"¹. При идеальном общественном устройстве госу-

¹ Каблиц И.И. Указ. соч. С. 124.

дарство вообще не должно вмешиваться в специальные сферы жизни народа. Его компетенция — это организация железнодорожных сообщений, банковского дела, развитие сети каналов и т.д., то есть осуществление программ, недоступных непосредственно народной жизни. Таким образом, задача оздоровления общины постепенно перерастала для популизма в проблему переустройства государственности на началах автономии и самоуправления.

Как известно, после реформ 60-х годов народничество интенсивно политизируется. Уже в Ткачевском "Набате" в середине 70-х годов звучит призыв к политической революции с использованием террора. Чуть позже за решение политических вопросов берется "Земля и воля". В конце же десятилетия "Народная воля" открыто манифестирует свою приверженность политическому перевороту.

Произошедший поворот в народничестве не мог не сказаться на популистской психологии. Я уже упоминал, что ранее — в 30-е годы у славянофилов были выражены анархистские популистские настроения. Начиная с 70-х годов, у нового поколения народных защитников они становятся подчеркнуто анархистскими. Вышеизложенная анархистская идея И. Юзова перекликается с мыслями и чувствами теоретиков самых различных ориентаций. Кто бы они ни были: революционеры или реформисты, террористы или либералы — все они испытывали недоверие к государственной организации общества. К чему бы они ни призывали: к постепенному сведению государства до минимальной величины /П.Л.Лавров/, к ослаблению и упрощению функций государственной власти после насильственного переворота /П.Н.Ткачев/ или к "страстному, полному, повсеместному и беспощадному" разрушению всех государственных традиций и порядков /С.Г.Нечаев/ — все они были поклонниками безгосударственного "государства" народных масс.

У меня нет сомнений в том, что дальнейшая борьба за общину проходила под знаком анархизма. Даже популярное требование созыва Учредительного собрания, исходило ли оно от организации "Народная воля" или от ее преемников в лице эсеров в начале XX века, было наполнено анархистским содержанием. В контексте популистских идей Учредительное собрание мыслилось не в качестве института парламентского типа, а в виде Всероссийского Земского собора, имеющего минимум принудительной власти и освященного истиной народного волеизъявления. Исходя из анархистского видения

проблемы, русский популизм настойчиво муссировал положение о возможности особого русского пути к социализму во главе с народом-венценосцем. В то время как из Европы с неустрашимостью "каменного гостя" стучался дух капитализма, а в чемоданах подпольщиков оттуда потихоньку привносился "призрак коммунизма", российские борцы за народ не прекращали осаждать своими идеями самих патриархов пролетарской идеологии.

5. К ПРОЛЕТАРСКОМУ РАЮ

Встреча с марксизмом поначалу оказалась скромной. К концу 70-х годов Маркс сомневался в наличии "собственных исторических данных" у восточного тиганта. Но в скором времени он дает понять, что идея общины не столь уж и иллюзорна — "община является точкой опоры социального возрождения России".¹

Насколько серьезно облизались здесь надежды русского популизма и идеи марксизма? Можно ли считать, что данное совпадение мнений могло предотвратить нелицеприятную перепалку популистов 90-х годов с зарождавшимся русским марксизмом?

Думается, что существенного совпадения взглядов здесь не произошло. Позиция Маркса — это позиция европейца, мало проникнувшегося духом русского мира. Перспективы общинного устройства становились для него все более и более реалистичными лишь по мере того, как он осознавал, что русская община еще может сохраниться как исторический прецедент. Маркс признавал самобытность российского исторического пути, но при этом рассматривал его в тесной связи с судьбами общемирового целого, эпицентром которого для него всегда являлась европейская цивилизация. Магистральное направление истории на всех ее перекрестках вырисовывалось для Маркса через капитализм, гибель которого только и могла послужить основой для исторических прецедентов, подобных русскому общинному социализму. Революция в России по его мысли должна выполнить роль катализатора исторического процесса, европейская же революция должна обеспечить условия перехода российского общества к социализму. Отсюда вытекает, что толь-

¹ Маркс К. Письмо В.И.Засулич. 8 марта 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 119.

ко пролетарская диктатура на Западе сможет послужить основой и гарантом новой общинной организации. При соблюдении данных условий централизованный деспотизм русского общества, как считал Маркс, "весьма легко устраним".

Ход мысли Маркса свидетельствует о том, что русская община виделась ему в качестве атавизма мировой цивилизации, сохранившегося на ее периферии. Вне мирового целого община выглядела для него глубоко консервативным, не порождающим из себя новых общественных форм образованием. Отсюда и неверие в то, что русский крестьянин ближе к социализму, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. И если можно ставить вопрос о скором переустройстве крестьянской России, то уже Энгельс считал необходимым открыто подчеркнуть, что инициатива в подобном преобразовании может исходить лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Для него вывод был категоричен: из общины в социализм перескочить нельзя. Однако исторически плавающий характер русской общины, не привязанной жестким образом к определенному экономическому основанию, ее дуализм /совмещение черт самоуправления и деспотизма, возможности свободного развития человека и его чрезмерная регламентация и т.д./ не давал повода для абсолютного отрицания исторических возможностей данного феномена. Поэтому в своих публичных высказываниях как Маркс, так и Энгельс проявляли осторожность и допускали, что община может облегчить переход к социализму.

Эти выводы вряд ли могли удовлетворить русских защитников народа. Они так и не получили ответа на вопрос: каким образом община облегчит данный переход? Означает ли упомянутое допущение признание дела развития аграрного социализма или же речь идет о временной поддержке так называемой диктатуры пролетариата со стороны общины и последующем ее исчезновении в недрах индустриального в своей основе социализма? Приверженность Маркса жесткому централизму и авторитаризму пролетарской диктатуры, на которую обрушили свою аргументированную критику сторонники Бакунина в I Интернационале, не давала повода сомневаться в склонности основоположников марксизма ко второму варианту ответа на вопрос. Подход Маркса противоречил анархистским настроениям русских популистов. Для них он остался "Европейцем", избравшим своим богом рабочего. В то же время эволюция самого русского популизма привела не только к расхождению с марксиз-

мом, но и к сближению.

Накануне нового столетия существовало два основных течения популистской мысли. И это осознавали уже сами участники событий. Различие в тактических устремлениях "мужиковствующих" И. Козов живописно обрисовал как расхождение так называемых "народников" и "народолюбцев", а представитель русского либерализма С. Франк зафиксировал их суть в расслоении народнического движения на две различные формы — форму непосредственного альтруистического служения нуждам народа и форму религии абсолютного осуществления народного счастья¹. Думается, что устоявшаяся в современной литературе идентификация этих двух направлений с революционным и либеральным народничеством является своего рода камуфляжем, существа разногласий. Критерий революционности в данном случае мало что проясняет. Расхождения эти имели подоплеку гуманитарного плана.

Когда вслед за реформой 1861 г. появился на шумевший манифест "Молодая Россия", от него отшатнулась большая часть интеллигенции. С подозрением была встечена деятельность иппутищев и прогремевший выстрел Д. В. Каракозова. Нечаевский же процесс просто шокировал российскую общественность. Подспудно вызревавшая политизация народнического движения, безусловно, ознаменовала собою начало фазы активного революционаризма. Но устранил не сам призыв к террору, а глубокий пессимизм, охвативший разночинцев. Революционаризм был лишь его следствием. Популистским эхом пессимистических настроений — и это главное — стала обостренная постановка вопроса о правомерности применения насилия, причем не столько в отношении власть придержащих, сколько к самому народу. "Каким образом следует поступать, если крестьянин не откликнется на призывы своих защитников из интеллигентской среды? Вести ли его силой к собственному счастью, если он не сознает его сам?", — вопрос этот и раньше волновал популистских сторонников Герцена и Чернышевского. И если в дореформенное время он являлся преимущественно предметом теоретических споров, то теперь настал час дать однозначный ответ на него. Прозвучавшие выводы раскололи русский популизм.

Якобински настроенный автор "Молодой России" П. Г. Заичневский

¹ Франк С. Этика нигилизма // Вехи. М., 1990. С. 163.

с непоколебимостью воли приветствовал революцию "кровавую и немолимую", в которой могут погибнуть и невинные жертвы. Для него было важно одно — счастье будущих поколений, в которое он свято верил и ради которого готов был пожертвовать жизнями своих современников, в том числе и из среды самого народа. "Помни, — предупреждает автор, — что тогда кто будет не с нами, тот будет против, кто против, тот наш враг: а врагов следует истреблять всеми способами"¹. Пламенный революционаризм заслонял значимость цивилизационных ценностей и для одиозной фигуры русского революционного движения — С.Г. Нечаева. Суровая революционная страсть являлась для него единственным мерилем добра и справедливости. Характеризуя личность холодного в своей бесчувственности революционера, он невозмутимо провозглашал: "Он не революционер, если ему чегонибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения, или какого либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором — все и все должны быть ему равно ненавистны"². Всесокрушающее искоренение "поганого мира", поочередное истребление врагов, разделенных на шесть основных категорий, утилитарное "пользование" собственными сторонниками в революционных целях — вот что шокировало любого здравомыслящего человека. Подчеркну, что данный пессимистический революционаризм не был мимолетным поветрием одиночек-головорезов. Впервые в духе Шигалева высказался, как это ни странно, еще Белинский, признававшийся в письме Боткину /28 июня 1841 г./ о своей маратовской любви к человечеству: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, он огнем и мечем истребил бы остальную. Во время реформы подобная же мысль была воспроизведена в манифесте Михайлова: "... Что значит какая-нибудь сотня людей, когда этой жертвой покупается счастье народа!". Здесь же закладывается классически популистская формула мышления, подразумевающая разделение всех соотечественников на "друзей" и "врагов" народа: "Современный

¹ Молодая Россия // Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. /По архивным документам/. М.-Петроград, 1923. С. 518.

² Нечаев С. Катехизис революционера // Родина, 1990. № 2. С. 83.

честный русский не может быть другом правительства. Он друг народа. Все же враждебное народу, все эксплуатирующее его есть правительство; а все поддерживающее правительство и стремящееся к исключительному положению есть дворянство и партия дворянская. Это враг народа, враг России"¹. Добавлю также, что лозунг "Цель оправдывает средства" украшал устав организации "Земля и воля" и даже будущий "либерал" Н.К.Михайловский в своих "Политических письмах социалиста" в свое время не удержался от призывов к истреблению "врагов народа".

В приведенном калейдоскопе мнений угадывался троглодитский образ знаменитого Великого Инквизитора. Чувство любви, от которой может не поздоровится, было здесь смешано с презрением и желанием покровительствовать и господствовать, мудрить над народом и устраивать его жизнь по своему усмотрению, в то время как объект любви считался нечеловеческим и безнравственным скотом, не имеющим понятия о своих истинных нуждах. Отсюда и весьма точное определение И.Козова — "народолюбы".

Основная идея "народолюбцев" состояла в том, что центр тяжести лежит в интеллигенции, которая должна оказывать, если не исключительное, то преимущественное влияние на ход общественной жизни. Их цель — благо созданного воспаленным воображением "народа" / в данном случае "мужика" — крестьянина/. Их союзники — все оппозиционные слои общества. Действительный же русский крестьянин, на которого были излиты основные струи добродетели, незаметно терялся в тени грандиозных задач. Он как-бы отсутствовал в своей драме и ждал своих благодетелей: "Кто на нашей стороне?, — спрашивал Заичневский. И отвечал, что народ — забытый и ограбленный, но не ему будет принадлежать инициатива его, а войску и молодежи. Сближаясь с народом, отмечал более пессимистичный Нечаев, необходимо прежде всего соединится с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственности не переставали протестовать не на словах, а на деле против того, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, то есть с "лихим разбойничьим миром, эти истинным и единственным революционером в России".

¹ Михайлов М.И. К молодому поколению // Лемке М. Политические процессы в России ... С. 71.

Любовь к абстрактному адресату при крайнем неуважении личности ныне живущего крестьянина придала революционерам ореол народных космополитов. Она отрывала их от земли, от крестьянского мира и общины. Наступил конец покаянию. В отличие от какого-то дворянства, ощущавшего свою вину за отрыв от почвы, разночинец уверовал в свою непогрешимость, безгрешность и возложил всю вину за бедственное положение народа на государство. Начинало оправдываться давнее опасение М.А.Бакунина, что к власти придут смельчаки-авантюристы. Революционная деятельность постепенно выливалась в ожидание и подготовку Иван-Царевича — деспота-самозванца, призванного среди всеобщей смуты и хаоса, когда взиграет Русь, завладеть властью над народом обманным путем. Выступая против централизованного деспотического государства, но призывая к достижению абсолютного счастья, популисты—"народолюбцы" по-существу звали к новому деспотизму. Внутренняя логика их действий становилась логикой отрицания провозглашенных ранее идеалов.

Полагая, что процесс спонтанного вызревания революционного сознания народа без вмешательства просвещенного меньшинства может продлиться бесконечно долго и считая себя вправе прибегнуть к принуждению, "народолюбческая" интеллигенция стала сторонницей кровавой диктатуры. А раз так, то наступил кризис доверия общине. В заложенных в ней началах самоуправления она не без основания увидела угрозу централизованному проведению революционных мероприятий: единая власть революционного меньшинства обещала обернуться многовластием рутинного большинства. Отсюда выросло недоверие к самоуправлению. Так, Ткачев писал: "Что же выиграет революционное дело? Еще того менее. Чем более разрознена и децентрализована власть, тем она консервативнее. ... Революционное государство должно стремиться к обобщению местных интересов, к внесению в практическую рутину единообразных руководящих начал. Между тем децентрализованная власть по самой природе своей должна противодействовать всякому единообразию, всякому подчинению частного общему, единичного целому; она всегда будет и должна быть антиреволюционной, в каких бы руках не находилась"¹.

¹ Ткачев П.Н. Соч. в 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 151.

Таким образом, анархистские настроения перерастали в апологию единого центра. Роль общины и мира изменялись здесь до неузнаваемости. Им отводилась роль основы мероприятий, проводимых сверху. "Исторически оправданной" в новых проектах могла стать только административная сторона общины, которая служила бы задаче тотального обобществления, внеэкономического принуждения к труду, а в далеко идущих замыслах Заичневского и Нечаева, целям уничтожения религии, семьи и устоявшейся морали.¹

Якобинство "народолюбцев" усилилось после "Вотума недоверия", вынесенного крестьянином интеллигентам, осуществившим в 70-е годы ряд знаменитых "хождений в народ". Какие бы цели не преследовали агитаторы-горожане - пробуждение затаявшихся в народе бунтарских инстинктов /бакуинцы/ или же постепенное формирование революционного сознания /лавровцы/ - везде они сталкивались с крушением своих иллюзий. Оказалось, что народ, веривший в ничейную землю, мыслил совсем иначе, чем это могло показаться. "Земля ничья, а мы государевы", - данное убеждение бытовавшее в народе, обнажило пропасть, отделявшую интеллигенцию от темной бездны крестьянской души. "Народолюбец" с его пессимизмом и нетерпением не рискнул пуститься в долгий путь ее познания. Он убоился окончательного крушения своих идеалов. По признанию одного из видных представителей движения простым выходом из сложившейся ситуации оказался террор². Когда же после царевбийства 1 марта 1881 г. движение было разгромлено правительством, значительная часть защитников народа была внутренне готова с легкостью отречься от былого идеала "Беловодья".

Революционеры-популисты двинулись навстречу марксовой

¹ Не буду все же преувеличивать оторванность данных взглядов от народной традиции. Староверческие общины практиковали на деле идеал полного обобществления имущества. Известны также идеи ликвидации и попытки реформирования института брака и семьи. Так "Слово о рахманах" инок Ефросина /XV в./ отдает дань регулированию деторождения: мужья допускаются к женам раз в году и через 40 дней "назад бредут". В ряде случаев практиковалось общественное воспитание детей, а обитатели общин считались не больше, чем братьями и сестрами. См.: Клибанов А.И. Указ. соч.

² См.: Дебаторий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму. М.-Л., 1930. Кн. II. С. 52-53.

идее диктатуры пролетариата. В их идейном арсенале и в практическом опыте было многое, что могло бы заинтересовать зарождающийся русский марксизм: враждебность к буржуазному строю, опыт многолетнего использования народного имени в революционной борьбе, концепция конспиративной и централизованной партийной организации, идея внесения революционного сознания в массы, идеологическая практика объявления своих идейных противников "врагами народа", обоснование необходимости "временного" использования государственной машины в целях организации нового строя, тактика заговорщической деятельности и многое другое.

В свою очередь, марксизм, клынувший, по словам Н.К. Михайловского, в образовавшийся духовный вакуум, по духу был близок популизму и, прежде всего, своей простотой: "... Ясно, просто, логично, в четверть часа можно целую философию истории усвоить с гарантированной научностью. Притом для всех удобно: кто не хочет думать, для того уж все удумено, все разжевано и в рот положено, остается только проглотить; кто не хочет ничего делать ... - за того историческая необходимость все сделает ..., кого смущает "бедность и несовершенство жизни", тот узнает, что все на пользу человечества и даже именно народа, того самого, который нищенствует и голодает"^I.

Марксистское учение было привлекательно для популистов-народников и своим видением будущего социального устройства. Оно обещало в недалеком будущем совпадения национального богатства и народного благосостояния на основе введения общественной собственности, оно вселяло надежду на освобождение личности и ликвидацию неравенства. Изначально воспринятое в России как экономизм, оно, вдобавок, указывало на близкое популистам средство радикального переустройства исторического мира России -- революции, опирающуюся на вооруженное восстание и государственный переворот.

Как известно, отечественный марксизм на исходе прошлого столетия уже не был един. Логика его развития вела к расколу, выразившемуся в период промышленного кризиса начала XX века в появлении меньшевизма и большевизма. При этом меньшевизм эволюционировал к более реалистичному видению социальных проблем: он считался с уровнем культурного и экономического развития Рос-

^I Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1894. № I. С. 123.

сии. Большевизм же, тесно связанный с экономизмом, имел ярко выраженную популистскую окраску с оттенком "народолюбия". Примечательно в этом отношении рассуждение А.Мартынова. Экономизм и так называемый большевизм, — пишет он, — это "два направления, с внешней стороны противоположные, но тем не менее, по существу родственные: и то и другое направления культивировали больше боевое настроение рабочих масс, нежели их политическую сознательность и самостоятельность, и то и другое имели много общего с традиционным русским бунтарством"¹. Давние идеи Заичневского, Нечаева, Ткачева нашли в большевизме питательную почву. Раскол в среде русских марксистов был ознаменован поворотом к бланкизму².

Таким образом, произошел необходимый синтез "народолюбческих" идей народников и марксистов, приведший к началу кристаллизации большевистского популизма. Для меня очевидно, что он возник на волне политизации популистских настроений, как выражение интересов той части интеллигенции, которая утратила почву в деревне и обратила свой взор к городу. Будучи приверженцем идеи диктатуры, она более чем кто-либо другой, нуждалась в пролетарской идеологии, поскольку последняя удовлетворяла ее авторитарные стремления и представляла возможность сменить объект покровительства в народной среде.

6. ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ

Популисты, находящиеся на другом полюсе политической жизни /форма непосредственного альтруистического служения народу/, не верили в возможность революции снизу, не создавали тайных организаций и кружков, не писали прокламаций и не ходили в народ. Но, как это не парадоксально, они оказались ближе к нему. В народе они видели своеобразный социальный организм, воплощающий относительно высокий для своего времени уровень культуры и не терпящий насилия над собой. Поэтому лейтмотивом всей их де-

¹ Мартынов А. Главнейшие моменты в истории русского марксизма // Общественные движения в России в начале XX века. М., 1912. Т. II. Ч. I и II. С. 306.

² О влиянии идей Заичневского на большевизм см.: Venturi F. *Hidden History*. Ч. XI. Прямые родственные связи ленинских идей с нечаевскими и ткачевскими взглядами подробно прослеживает Ф.А.Степун. См.: Stepan F. *The Russian soul and revolution*. Berlin, 1932.

тельности стало не разрушение исторического мира России после-петровского времени, а его реформирование. Они звали не к счастью фиктивного последнего поколения, а к работе над устройством жизни реальной деревни.

Представители данной, я бы сказал, органической ориентации, были убеждены, что общественная жизнь, находящаяся под влиянием только лишь культурно-интеллигентских групп, получает уродливое развитие и, прежде всего потому, что издавна существует тесная связь между российской интеллигенцией и бюрократией. Во истину пророческими оказались их слова: "Проповедники "просвещенного бюрократизма", получив возможность осуществить свою программу на практике, мало чем будут отличаться от лихой памяти инквизиторов. Правда, содержание, вталкиваемое ими в народную жизнь, было бы совершенно иное, нежели оно было у инквизиторов, но их поведение относительно личности вполне тождественно"¹.

Никто не вправе распоряжаться чужою судьбою, считали они и призывали оградить народ от назидательного покровительства социалистической интеллигенции. Свой долг они видели в изучении народного мнения и совершенствовании на его основе существующего законодательства, землепользования, проведения структурных преобразований в области промышленности, изменения системы самоуправления в сторону действительно народного представительства и более эффективной работы гласных. Смысл этих мероприятий сводился к децентрализации, идущей одновременно сверху и снизу, и никоим образом не предполагающей испламенения каких бы то ни было социальных групп и сословий. Последнее, на их взгляд, означало бы неминуемое усиление государственной власти. Популисты 80-х - 90-х годов стремились поэтому к трансформации социальной организации российского общества в качественно иное состояние путем углубления "сословной" дифференциации, идущей рука об руку с осознанием личностью своих неотъемлемых прав внутри каждого сословия. В этой связи они поддерживали идею создания политических партий или, пользуясь терминологией тех лет, "общественных организаций".

Следует также заметить, что в авторитарных настроениях социалистов популисты органической ориентации справедливо по-

¹ Каблиц И.И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб, 1896. С. 70.

чувствовали неясное посягательство на проповедуемый со времен Герцена принцип федеративного устройства государства. В данном вопросе они не отгораживались от опыта европейской цивилизации и ссылались на исторические тенденции, прослеживавшиеся в Германии, Англии, Австрии, которые свидетельствовали о том, что федеративное начало представляет собой оптимальную форму политического устройства, дающего наиболее выгод для народа и наиболее прочные гарантии для самих правительств против распада наций на сепаратные единицы. "Такова основная цель организованной федерации: в общем федеративном союзе, навязанном нам самой природою, сделать счастливым каждого из его отдельных членов и употребить совместность и кооперацию для блага личности", — это было общее мнение¹. Однако их цель уже отличалась от герценовского идеала "союза свободных народов". Реализация замысла федерации виделась опять-таки в контексте текущей политики Российской империи. Учитывая возрастающее стремление к обособленности в Финляндии, Прибалтийском крае и Малороссии, они настаивали на проведении более гибкой политики в отношении этих земель. Откровенно пропагандистский призыв "Молодой России" к немедленному выходу из империи Литвы и Польши для них мог показаться излишне экстремистским. Гораздо привлекательней им представлялся поиск порога экспансионистских устремлений России в отношении окраинных областей, так как чрезмерное экономическое и политическое влияние российского государства, особенно в Финляндии и Прибалтике, находящихся на более высоком уровне цивилизационного развития, могло бы обернуться регрессом для них.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, можно сказать, что популисты органической ориентации, распрощались с революционаризмом своих предтеч. Они были менее стеснены требованиями сугубо лозунгового, рассчитанного на широкую и немедленную поддержку масс, характера. По существу эта ветвь русского популизма эволюционировала в сторону гуманно-рационального понимания общества и постепенно переросла популистские рамки. В лице Н.К. Михайловского, В.Г. Короленко и других авторов "Русского богатства" в XX столетии мы уже видим мыслителей с широкими интересами и универсальным кругозором.

¹ Лепский Б. Федеративное начало в европейской политике // Слово. 1879. № 12. С. 53.

В то же время успехи промышленного развития России и прогрессирующее разложение общины не подорвали устоев популистского мировоззрения. Резкое непринятие индустриализма и консолидация на этой основе сторонников поземельной общины привели к воплощению давно вызревавшего плана организации народной партии. Появившаяся в 1902 г. партия социалистов-революционеров продолжала линию Герцена, Чернышевского, Михайловского и одновременно сохраняла революционаристские традиции "Народной воли". Она имела довольно эклектическую программу, сочетавшую требования уважения прав и свобод личности, ее "всестороннего развития" с задачами революционного переворота; апеллицию к крестьянству и надежды на созыв Учредительного собрания с признанием ведущей роли пролетариата и необходимости установления его революционной диктатуры¹. Это, несомненно, был результат компромисса в политической борьбе и битве за народ, в которую активно включались марксисты. Что же касается принципиальных оценок перспектив развития страны, то позиции эсеров во многом совпадали с точкой зрения популистов 80-х - 90-х годов. И здесь можно проследить единую линию.

Сторонники поземельного мироустройства уже на исходе прошлого века отдавали себе отчет в том, что капитализм прочно утвердился в России, но в отличие от марксистов, они не видели в нем силы, способной вознести страну на гребень истории. Экономисты-народники задавали себе вопрос: какая роль уготована аграрной стране в мировом капиталистическом порядке? Действительно ли за наступлением банков, железных дорог и синдикатов маячит блеск пролетарского рая? Думается, что в данном пункте тоже тоже можно задать себе вопрос: был ли популизм того времени настолько догматичен, наивен и поверхностен, что с таким упорством протестовал против благ цивилизации и капиталистического разделения труда, обещавшего выгоды самому крестьянину?

Суть обсуждаемой позиции высвечивается в понимании экономических проблем, которое для своего времени, возможно, было более глубоким и вдумчивым, чем у марксистских оппонентов. По мнению популистов конца прошлого века расширение сферы влияния капитализма отнюдь не отменяет старых задач. Примечательно,

¹ См.: Программа Партии Социалистов-Революционеров /Утвержденная съездом партии/. М., 1906.

что Н.Ф.Даниельсон, прекрасно владевший марксистской методологией исследования экономических процессов, в числе первых вскрыл своеобразие капитализма в России. В то время, как марксисты отождествляли западно-европейский и русский капитализм, призванный в будущем лишь воспроизвести опыт Англии, он отмечал, что в России капитализм несет на себе признаки искусственности не только в силу государственного покровительства частным собственникам, а по той причине, что позже других вступив на стезю своего развития, он пропустил необходимую стадию накопления и естественного роста сферы производства. Российское правительство вынуждено теперь покровительствовать банкам и железным дорогам, но за счет сферы распределения и внутреннего рынка, за счет сокращения народного потребления. Увеличивая национальное богатство, оно грабит народное достояние, так как успех промышленного развития в России оказался в прямой зависимости от покупательной способности населения. Последняя же постоянно сокращается вследствие отделения обрабатывающей промышленности от земледелия и сокращения сферы приложения крестьянского труда в зимнее время. По этим причинам Даниельсон отстаивал необходимость прекращения ломки народного производства и направления усилий на объединение земледелия и обрабатывающей промышленности, но не на почве мелких хозяйственных единиц, а на основе создания крупного общественного обмирщенного производства¹.

Весомый вклад в анализ особенностей русского капитализма был сделан также Кжаковым и Воронцовым. Одновременно с Даниельсоном Кжаков показал, что капитализм в России возможен, но только по "второму типу", когда задача сведения внутреннего баланса между разбоившимися земледельческой и обрабатывающей промышленностью служит внешним рынком для вывоза сырья. Россия, по Кжакову, была обречена на роль поставщика сырья на внешний рынок, задолго до нее освоенный европейскими странами: "Народное обеднение, но национальное обогащение — это капитализм, опирающийся на вывоз сырья"². Перспективы развития России не-

¹ См.: Николай — он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб, 1893.

² Кжаков С.Н. Вопросы экономического развития в России // Русское богатство, 1893. № II. С. 207.

возможно было оценивать и без учета того обстоятельства, что Англия, Франция, Германия захватили прочное лидерство в области промышленности. Поэтому, подчеркивал Воронцов, "нашей отсталой стране выпало на долю оставаться преимущественно сельскохозяйственным государством"¹.

Главное в данных выводах состоит в осознании аграрной направленности русского капитализма. Впрочем, этот вывод наиболее четко был сделан лидером партии эсеров В.М.Черновым, чья разработка проблем капитализма вылилась в теорию национально-капиталистических типов. Анализируя особенности местного капитализма, он сознательно стремился отойти от упрощенческого схематизма, свойственного отечественным марксистам, ставящим европейский и русский капитализм на одну доску. Одновременно Чернов идет дальше полу-иррациональной проблемы "Восток - Запад". Для него несомненна неоднородность самого европейского исторического мира, а следовательно, ясно и то, что хотя развитие России осуществляется в том же направлении, что и Запад, оно не обязательно будет иметь тот же результат, к которому должна прийти каждая страна в силу экономической необходимости. И хотя история показала ошибочность упований на артель и общину, это не значит, что надо увлекаться примером передовых капиталистических стран и переоценивать реформирующее влияние русского капитализма. Опыт развития отсталых европейских стран, таких как Венгрия и Италия, свидетельствовал, согласно Чернову, что там, где имеется перевес земледелия над индустрией, там буржуазия представляет тормозящую силу, там крупная роль принадлежит революционной интеллигенции, беспристрастно выносящей на суд истории интересы противоборствующих сторон, там недостаточно одной пропаганды среди индустриального пролетариата, а необходимо вовлечение в движение крестьянства. Все его изыскания показывали, что величественное здание национальной русской буржуазии, которое, казалось бы, готово было оправдать предсказания русских марксистов, что вскоре Россия обретет облик развитых стран Запада, оказалось построено на песке.

В России слишком быстро был совершен скачок от примитивных форм к высшим формам европейской промышленности. "Таким об-

¹ Воронцов В. Социальное преобразование России. Петроград. Б.г. С. 73.

разом, — отмечает Чернов, — в России капитализм очутился в совершенно особой, своеобразной исторической и социальной среде. Он очутился в стране с чрезвычайно разреженным населением, стране, состоящей почти исключительно из деревень и поселков...¹ Страну еще предстояло "обстроить" — создать пути сообщения, городские центры, промышленность и т.д. Но в аграрной России крестьянина так и удалось оторвать от земли. Даже отход, о котором в то время было много сказано, не давал повода сомневаться, что дух земледельческого народа будет жить еще долго: вследствие небольшого заработка крестьянин шел преимущественно на сезонные работы и мало участвовал в фабрично-заводском труде. Однако развитие капитализма не прошло мимо него. Оно поставило крестьянина в положение наемного рабочего, создающего фонд неоплаченного труда.

Данные выводы поставили перед популизмом ряд мировоззренческих проблем. К какому социализму следует стремиться? Какова доля участия рабочих и крестьян в будущих преобразованиях? Каковы возможные последствия установления пролетарской диктатуры в крестьянской стране? Мучительный поиск ответов на эти вопросы позволяет понять, что немарксистский популизм не по злой прихоти и не из желания завоевать большинство народа ради корыстных политических целей ориентировался преимущественно на крестьянский вопрос. Это был в значительной мере реалистический взгляд на российскую действительность, из которого органически вытекало и важнейшее положение об аграрном характере русского социализма, и подход к проблемам социализма вообще.

Популизм эсеров и народников-экономистов 80-х — 90-х годов наиболее основательно высветил тот момент, что при опоре на пролетарские слои и без активного участия крестьянства в социальных преобразованиях, устой исторического мира России будут окончательно подорваны. Насаждение в России пролетарской — по типу индустриальных стран — модели социализма будет означать не что иное, как искоренение первоосновы этого мира — земледельца — в огне революционного хаоса. Поэтому и эсеры и народники-экономисты всякий раз упрекали марксистов в их непоследовательности и двусмысленности по отношению к крестьянству: в том, что будучи заинтересованы в развитии индустриального общества,

¹ Чернов В. Социалистические этапы. М., 1908. С. 205.

они одновременно являются сторонниками сопутствующего индустриализму процесса разорения и обезземеливания крестьянства; в том, что они отрывают "мужика" от среды "трудящихся". У марксистов, отмечал Чернов, с давних пор есть первородный грех: "Беспринципное политиканство по отношению к крестьянству, в политике внутренней; беспринципное политиканство по отношению к аграрным, земледельческим "отсталым" национальностям в политике внешней. Это не две отдельных болезни, а одна и та же болезнь в различных проявлениях, в различных местного характера симптомах"¹.

Можно определенно сказать, что для эсеров уже не представляли загадки недомолвки и неоднозначность в оценке будущего русской общины со стороны основоположников марксизма. Их мысль о способности общины облегчить дело перехода России к социализму могла быть понята следующим образом: это возрождение общины на пепелище крестьянского мира, ибо она облегчит движение к социализму индустриального типа. Сам же характер данного движения, откровенно подразумевавшего подчинение аграрных /"контрреволюционных"/ народностей и борьбу против пугала панславизма, вносящего постоянные сбои в поступательный ход всемирной истории, аргументированно показан Черновым в работе "Марксизм и славянство". Важным представляется общий вывод данного исследования, приоткрывавший занавес над одной из тайн зарождения русского марксистского популизма: "Марксизм еще не является истинным, полным интегральным социализмом. Марксизм еще не является и настоящим, полным интернационализмом. Марксизм еще доселе есть не более, как односторонний индустриальный социализм. Он еще доселе — односторонний интернационализм передовых индустриальных стран, поэтому легко сбивающийся на социалистический империализм"².

Из индустриальности марксистских представлений о социализме следовало принятие капитализма, отсюда же при столкновении интересов индустриальных стран с аграрными, предпочтение отдавалось первым, отсюда исключительность пролетарской точки зрения и новое понимание "массы", "народа" как лишенных соб-

¹ Чернов В. Марксизм и славянство. /К вопросу о внешней политике социализма/. Петроград, 1917. С. 91.

² Там же. С. 91.

ственности рабочих и сельских бедняков. И если на индустриальном Западе еще могло показаться, что освобождая себя, пролетарии освобождают весь мир, то в сельскохозяйственной России этот тезис приобретал лозунговый характер. Обещая избавить от капиталистических недугов, марксисты отворачивались от большинства крестьян, но заявляли о своей способности решить крестьянский вопрос. В лице же большевизма они видели выход в национализации земли, что напрямую было связано с идеей диктатуры и передачей инициативы переустройства крестьянского мира "пролетарскому" центру. Такой подход означал применение марксовых взглядов к русскому аграрному социализму с той лишь разницей, что сценарий революции со всеми вытекающими последствиями для крестьянства разыгрывался внутри одной страны.

В отличие от большевиков путь России к социализму эсеры видели сквозь призму "синтетической" концепции социализма, согласно которой социализм есть единый органический поток преобразований, осуществляющихся одновременно и на Западе, и на Востоке. Он предполагает многообразие национальных типов будущей организации общества, многообразие социалистических движений, полицентричность революционного движения и многомерность его субъекта. Крестьянская Россия — лишь один из фрагментов этого потока. И задачу ее переустройства в состоянии выполнить не малочисленный пролетариат, а, что более вероятно, тройственный союз интеллигенции с рабочим классом и крестьянством. Исходя из этого "великая историческая задача", отвечающая нуждам народа, по мнению эсеров, состояла в установлении "полной демократии" и проведении принципа децентрализации, истреблении с корнем сословности, уничтожении китайской протекционистской стены, создающей благоприятные условия для буржуазии и, в особенности, в возрождении деревни, немислимом без социализации земли и передачи ее в "общенародное достояние", то есть в заведование центральных и местных органов народного самоуправления. Особый акцент при этом делался на стремление партии эсеров опираться в своей деятельности на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни крестьянства, на распространенное в его среде убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд.

Разумеется, в эсеровской программе, как и в тактической

деятельности были свои издержки, отдалявшие их искания от популизма органического толка: задача достижения "полной демократии" являлась крайне утопичной также как и упования на беспристрастность интеллигенции, а порожденные внутренними разногласиями стремления использовать методы и средства террора и насилия со стороны эсеров-максималистов и возрождение лозунга уничтожения классов ставили под вопрос демократичность самого движения. И все же необходимо отметить, что в целом эсеровский популизм отличался своим демократизмом и антиэтатистской направленностью. Вся деятельность эсеров так или иначе замыкалась на вопросах демократии, самоуправления, на проблемах борьбы с плутократией и бюрократизмом. Именно потому они усмотрели тесную связь между социалистическим империализмом Маркса и государственным социализмом большевиков. В обществе аграрного капитализма, важнейшей особенностью которого является азиатский бюрократизм, в обществе, где отдельное промышленное предприятие, армия, школа, церковь, печать давно стали представительными учреждениями государства, "пролетарская диктатура", не имеющая оснований в историческом мире России, неизбежно вызвала бы стремительное раскручивание спирали деспотизма. Она означала бы не просто смену объекта покровительства государства с буржуа на пролетария, за что критиковали марксизм популисты 90-х годов, а приход Великого Инквизитора с якобинской душой под косовороткой рабочего. Боязнь новых героических санскотов, столь свойственная эсерам, побуждала их поддерживать все мероприятия, имеющие целью обобществление и развитие самого общинного, муниципального, земского самоуправления еще в пределах существующего государства в целях предотвращения зависимости крестьянства от рабочего класса и правящей бюрократии.

7. ИСХОД

Едва ли будет преувеличением сказать, что проблема капитализма и государственного устройства занимала важнейшее место и в большевизме. Что касается реконструкции образа капитализма в России, то большевики здесь не были оригинальны: они во всем следовали Марксу. Только революционная нетерпимость толкала их на конфликт с музой истории. С их легкой руки учение Маркса было дополнено явно пропагандистской интерпретацией теории импе-

риализма Гильбердинга. Согласно нововведению зарождение буржуазного строя в полупатриархальной стране, его развитие, звездный час и, наконец, падение уместались в рамки жизни одного поколения. Во втором десятилетии XX столетия большевики сочли возможным заявить, что государственно-монополитический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, до которого остается один шаг. Но совершить этот последний шаг можно лишь решив вопрос о власти. Я уже показал, что данный вопрос представлял большую трудность для всех популистских ориентаций в силу своей нравственной нагруженности и связи с проблемой насилия. Теперь же можно отметить, что переведение его в непосредственно практическую плоскость означало драму русского популизма и начало его заката.

Анархистская критика идеи диктатуры пролетариата, народническое непринятие "государственного социализма рабочих", эсеровская оппозиция диктатуре, меньшевистская приверженность демократии и, наконец, историческая тенденция становления русского государства "железной пятой" — все это стало камнем преткновения для большевизма. Невольно напрашивался вывод: возникающая на гребне деспотического государства пролетарская диктатура станет новым спрутом, который не отомрет сам по себе с течением времени. В совокупности все эти факторы заставили большевиков искать выход, ибо излишне откровенная идея жесткой диктатуры могла отшатнуть сторонников социал-демократов в условиях усилившегося в стране кризиса, вызванного войной.

Результатом поиска явился смягченный вариант замысла диктатуры пролетариата /государства-коммуны/, несущий на себе все признаки популизма. По мысли Ленина сам факт установления пролетарской диктатуры знаменует собой начало отмирания государства, поскольку подавлению и угнетению будет подлежать лишь незначительная часть населения. Для большинства же диктатура будет означать высшую историческую форму свободы и демократии. Теперь оно само через советы — это детище народного творчества — будет управлять страной. Советы же призваны заменить политическое руководство, сделать его ненужным. Ленин призывает покончить с парламентаризмом и перейти к "работающим учреждениям", в которых, в соответствии с Марксом, законодательная и исполнительная власть сливаются воедино. Он больше чем убежден,

что победившее большинство в состоянии выполнять функции управления. Прозрачность власти, ее доступность "трудовому народу" и чрезвычайное упрощение в ходе предшествующего капиталистического развития позволяет управлять государством буквально каждому. В этих целях пролетариату понадобится лишь незначительный и дешевый аппарат, где на долю чиновников выпадает роль простых надсмотрщиков. Идеальной моделью самоуправленческого государства Ленину представлялась почта, сочетавшая принципы демократизма и централизма¹.

Выработанный подход являлся шагом в направлении поиска самоуправленческих начал, но оставляя за государством административные функции, он не предоставлял гарантий против деспотизма. Наоборот, по мнению Ленина, при социализме "все граждане превращаются ... в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"². И здесь сполна проявился двойственный подход к государству, столь свойственный большевистскому популизму: одновременное отрицание и утверждение диктатуры, централизма, огосударствления. К тому же данный проект исключал использование традиционного общинного самоуправления. Горнилом народного творчества для большевиков являлись городские центры с их баррикадами, стачками и советами. Поэтому, в отличие от Маркса, они были более прямолинейны в отношении крестьянской общины. Достаточно вспомнить, что в дооктябрьский период они склонны были рассматривать все рассуждения о самобытности русского исторического пути как народнические сказки и безапелляционно отвергали идею общины и кооперации как чисто "мещанское требование". Поскольку разложение общины было для них более чем очевидно, они выступали за наделение исключительными полномочиями лишь пролетарских слоев города и деревни, а образец Парижской Коммуны Ленин считал одинаково приемлемым для всех слоев общества. Это создавало почву для отклонения от естественного пути развития самоуправления, так как в деле создания нового государства значительное место отводилось насилью по отношению к крестьянству.

¹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50.

² Там же. С. 101.

В то время как эсеры накануне Октября 1917 г. еще сохраняли конституционные надежды и требовали созыва Учредительного собрания, большевики твердо шли к захвату власти в советах и установлению диктатуры. Лозунг созыва Учредительного собрания, популярный в народе, они сделали орудием достижения своих целей. Когда же в январе 1918 г. им пришлось выбирать между демократией и этактизмом, они действовали в духе Великого Инквизитора. "Крестьянство, — писал Ленин, комментируя итоги выборов в Учредительное собрание, — не могло еще знать правды о земле и мире, не могло отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры"¹. И они выбрали второе: насильственно повели неведающего своего счастья крестьянина к пролетарскому раю. В своих действиях они были верны популистскому представлению о том, что писанный закон не имеет юридической силы.

Однако практика революции и, в частности, события так называемой эпохи военного коммунизма, показали беспочвенность многих популистских надежд большевиков: на всеобъемлющее участие "трудящихся" в управлении, на скорое и безболезненное отмирание государства и превращение его в орган простого администрирования, на отмирание бюрократизма и на приемлемость способов управления диктатуры для крестьянства. Исторический мир России обнаружил свою ранимость — он отозвался эхом спонтанных крестьянских восстаний 1921-1922 г.г. Подоплека этих событий хорошо отражена в теоретических поисках популистов в первые годы после переворота. Отмечу, что популизм не одинаково оценивал характер и содержание событий Октября 1917 г. Для умеренных эсеров они представлялись "народно-трудовой" революцией. В зеркале же большевистского популизма — революцией максималистски-социалистической. Субъектом всех преобразований они рассматривали массу рабочих и ленинизированных крестьян, которым были симпатичны лозунги ликвидации частной собственности, национализации земли, конфискации имущества, разрушения. Диктатура города над деревней и диктатура городского меньшинства над большинством — так оценивал содержание большевистских преобразований Чернов. Социальной базой эсеровского популизма были широ-

¹ Ленин В.И. Проект воззвания II съезда Советов крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 154.

кие слои крестьянства и эсеры хорошо сознавали, что хотя переворот совершили рабочие, обеспечить успех революции может только крестьянство, составляющее подавляющее большинство русского населения. В связи с этим даже левые эсеры, поддерживавшие конфискационные меры большевиков, доказывали, что деревенская беднота, которую большевики думают выделить из остального крестьянства и делают своей опорой, на деле является фикцией: "Деревенская беднота не представляет собой никакого самостоятельного класса; наоборот, это совершенно случайное соединение различных групп в деревне, объединенных только одним случайным признаком: отсутствием в данную минуту состояния, средств производства и т.п.", — отмечал В. Трутовский¹.

Это замечание показывало, что в своей приверженности маргинальному сельскому слою большевики обрекают крестьянство на уничтожение. При этом вскрывалось противоречие в их собственной позиции: при социализме крестьянин должен жить зажиточно, но как только он добивался успехов на ниве, так сразу же зачислялся в разряд кулачества и мелкой буржуазии. Опора на бедноту создавала, таким образом, основу для непрерывных репрессий и усиления аппарата принуждения, для подогревания разрушительных страстей. В глазах эсеров большевизм означал возврат военно-бюрократических методов старого режима. Они воспринимали партийный абсолютизм как опекунский вариант социализма: олигархо-бюрократический по своей административной структуре, казарменный и репрессивный по своим методам и средствам. Их критика большевизма была связана с заботой народовластия. Левые эсеры писали: "... Требуем последовательного проведения выборности власти; полной свободы для развития деятельности местного самоуправления, сельского и городского; предоставления на родностям, входящим в состав русского государства, права полной автономии, то есть права распоряжаться у себя, как хотят; государство же в целом должно стать федерацией, то есть союзом автономных самоуправляющихся областей... При этом нет нужды избирать президента, который обходится народу дорого и ни к чему другому не нужен, как для почета"². За требованиями

¹ Трутовский В. Кулаки, беднота и трудовое крестьянство. М., 1918. С. 10.

² Чего хотят левые эсеры. Петроград, 1919. С. 4.

снять с крестьян ярлык мелкого буржуа, за требованиями возобновления работы Учредительного собрания, за отстаиванием идеи экономических союзов, ликвидации комбедов и децентрализации управления скрывался не просто безумный популистский протест, зовущий к восстанию против большевизма, но попытка спасти исторический мир земледельческой России.

Тяжелый кризис, в котором оказалась страна после большевистского переворота, в конце-концов привел и большевиков к необходимости лавирования и корректировки своих подходов. Ленин теперь отмечает, что старые мечты кооператоров, некогда полные фантастичности, сбрасывают налет утопизма и романтики "в условиях полной победы пролетариата". Таким образом, казалось бы, произошла легитимация общины как полномочного органа самоуправления. Но и здесь присущая большевистскому популизму двойственность проявилась сполна: мероприятия НЭПа в лучшем случае могли реанимировать административную, а не поземельную общину, что и произошло в дальнейшем при так называемой "коллективизации". Насколько условны были очертания задуманного "аграрного социализма" в условиях диктатуры показывает популистски-разоблачительная деятельность Чернова в период эмиграции. Основанный им печатный орган "Революционная Россия", выполнял роль герценовского "Колокола": призывал рабочих на борьбу против милитаризации труда, бюрократизма, диктаторства, выступал за свободные профсоюзы, против новых государственных привилегий для чиновников и казарменности; он звал крестьянство к сопротивлению против протекционистской системы выборов и новой барщины.

Можно сказать, что после переворота начался закат традиционного русского популизма с его верой в народ, общину, самоуправление и надеждой на скорую достижимость желанной воли. Иронической усмешкой на лице истории может показаться заграничная деятельность эсеров /В.М.Чернов, В.Вишняк/, вынужденных в атмосфере непринятого ими индустриального Запада отстаивать близкие сердцу общинные ценности. Испытывая скептицизм в отношении насильственного свержения большевизма и отказываясь от путчизма или каких-либо планов фантастической антибольшевистской революции, они еще питали конституционные иллюзии и верили в чисто "народную борьбу": надеялись, что русский народ сам

придет к демократической революции¹. На волне неприятия режима пролетарский диктатуры, попрания прав и свобод крестьянства и осмысления опыта рабочего движения Чернов пропагандирует в этот период свою теорию "конструктивного" социализма, сочетавшую демократические шаги II Интернационала и революционные инициативы Коминтерна. Но его вера в универсальный, синтетический социализм в глобальном масштабе, в конструктивную роль народа, уносила уже высоко в стратосферу.

Мысленный уход в заоблачные дали в поисках нового подобию "Беловодья" был трагедией не только В.Чернова, но и тех популистски настроенных деятелей, что остались в отечестве. Уже в 1918 г. прекратила существование возрожденная было партия народных социалистов; народники-коммунисты, выделившиеся из эсеровского движения, слились с большевистскими организациями. Сквозь призму безальтернативной исторической необходимости для большевиков казалась малозначимой, но опасной активность убежденного анархиста П.А.Кропоткина, задавшегося целью воплотить принципы коммунального анархизма в Дмитровском союзе кооператоров. Деятельность эсеров для большевиков представлялась просто враждебной: движение было разогнано. Из всех представителей традиционного русского популизма, пожалуй только толстовским общинам, стремившимся к преобразованию российской действительности на основах нравственного совершенствования, удалось продержаться дольше обычного. Толстовское Общество Истинной Свободы следующим образом формулировало свои принципы: "... 8/ Отечество наше — весь мир, и все люди наши братья. Поэтому никакие люди, как бы они не называли себя — монархическими, демократическими или социалистическими правительствами, — не имеют права собирать, вооружать и обучать людей убийству, нападать на других людей и, ведя с людьми другой народности войну, разорять и убивать их. 9/... Ничем не может быть оправдано применение насильственных мер воздействия на людей — привлечения к суду и наказаний: казней, тюрем, ссылок, карательных отрядов, лишения имущества и т.д. 10. ... никому не должно быть предоставлено право собственности на землю, которая составляет общее

¹ Об эсеровском популизме периода эмиграции см.:

Burbank J. Intelligentia and revolution. Russian Views of Bolshevism, 1917-1922. N.Y., Oxford. 1966. Ch. 2

достояние людей..."¹.

Столь откровенные заявления сделали невозможным существование и этих общин. Сторонникам народной идеи оставалось малое — подобно киржачам создавать вдали от городских центров уединенные островки "истинной" жизни. Но с разгромом в 1936 — 1938 гг. последней толстовской коммуны "Жизнь и труд" их постигла общая судьба. Последними пристанищами популизма оставались, разве что, потаенные уголки мысли теоретиков-интеллектуалов. Но также, как их единомышленники-эмигранты, они уже устремлялись в мир откровенной утопии. Яркий пример такого рода популизма-фантазии дает нам А.В.Чаянов. Мир крестьянской утопии, поражающий почти полным отсутствием черного цвета, оборачивался у него полной антитезой социалистическому пролетарскому раю. При видимом сохранении преемственности со старыми популистскими идеями он становился средством отрицания практики большевистского преобразования мира. Устами своих героев Чаянов сообщает, что коллективистский идеал немецких социалистов, в котором трудящимся массам выпадало на долю исполнителем государственных предначертаний, с социальной точки зрения представляется мало продуктивным по сравнению со строем трудового земледелия, в котором работа не отделена от творчества организационных форм. "Наша государственная система, — пишет он, — вообще построена так, что вы можете годы прожить в Волоколамском, любом уезде и ни разу не вспомнить, что существует государство, как принудительная власть. Это не значит, что мы имеем слабую государственную организацию. Отнюдь нет. Просто мы придерживаемся таких методов государственной работы, которые избегают брать своих сограждан за шиворот... Мы всегда полагали, а теперь можем доказать сорокалетним опытом, что эти языческие аксессуары, обременительные и для правителя, и для управляемых, теперь столь же нам нужны, как Зевсовы перуны для поддержания теперешней нравственности. Методы этого рода нами давно заброшены, как в свое время были брошены катапульты, тараны, сигнальный телеграф и Кремлевские стены"².

¹ Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989. С. 463.

² Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало. М., 1989. С. 187.

Чаяновская утопия напрямую перекликалась как с народными верованиями, выраженными в легендах о далеких райских землях, так и с исканиями славянофилов, народников и эсеров. Однако нельзя не признать, что фантастическое видение действительности было реалистичным — страна как и прежде оставалась крестьянской, земледельческой. Связь с национальной историей, крестьянской почвой в исследованиях Чаянова-экономиста выливалась в реализм здравого смысла, не совместимый с волевыми порывами новой власти. Ученый-экономист, по своим взглядам он оказался близок Н.Н. Суханову и школе Н.Д. Кондратьева. Так появилось направление теоретической мысли, представители которого впоследствии были репрессированы и получили ярлык "неонародников"¹.

Названные ученые были едины в одном: патриархальной России еще предстоит пережить коллизии дифференциации и расслоения в деревне.² Чаянов обращал особое внимание на перестройку трудового крестьянского хозяйства в формы фермерского типа с применением наемного труда. Кондратьев выделял как наиболее желательный путь производственную кооперацию /сбытовую и снабженческую/ мелких и мельчайших хозяйств через их укрупнение и повышение производительности, товарности. Но так как этот процесс касался мелких хозяйств, то можно было предвидеть их превращение в середняцкие, а некоторых в деревенскую буржуазию. Для всех было очевидным, что путь этот длителен, но его необходимо пройти, ибо только крепкие хозяйства смогут обеспечить экспорт, необходимый для развития индустрии и роста общего жизненного уровня населения. При этом страна должна находиться в хозяйственных связях с мировым хозяйством и здесь выступать импортной по индустриальным средствам производства, экспортной по хлебу и продуктам животноводства. В исследованиях прослеживалась мысль: в России /СССР/ в обозримой перспективе будет сохранено значение мелкой промышленности, а успехи и темпы индустриализации будут зависеть от возможностей

¹ См.: Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. М., 1930.

² См.: Чаянов А.В. О дифференциации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5; Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации деревни // Там же; Челинцев А.Н. О методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.

сельского хозяйства. Таким образом, здесь была предпринята последняя попытка помыслить будущее России в категориях земли и воли. Последнее может быть сказано, разумеется, только с большими оговорками. Привязка данных исследований к популизму может оказаться столь же несправедливой, как и навешивание ярлыка "неонародничество". В данном случае мы имеем дело с логикой научного исследования экономических процессов в аграрном обществе, с поиском оптимального варианта подъема народного хозяйства, исключавшего насилие над крестьянским миром в целях форсированной индустриализации. Но, все же эти исследования лишний раз показывают, что русский популизм вырос не на пустом месте. Популистскую психологию и веру питала крестьянская среда, российская вековая культура. В политике, связанной с борьбой за власть и сопутствующим ей манипулированием сознанием, эта психология и вера могла выплескиваться лозунгово, фантастически, нереалистично. В данном же случае планка политики оказалась преодолена и по существу обнажилось содержание, вокруг которого почти столетие русской истории шли политические баталии.

Были ли реальные возможности для практического воплощения идеи русского аграрного социализма? Ни теоретическая мысль прошлого, ни историческая практика не дали точного ответа на этот вопрос. Ясно только одно: по мере того, как увядал цвет российского крестьянства, гасли мечты старых популистов-кооператоров. Но популизм не умер. В шумных митингах и демонстрациях, в статьях и речах, обращенных к народу, он продолжал жить в марксистской идеологии, но уже в новом обличье. Неистовство вокруг интересов трудящихся новых слуг народа было доведено в нем до апогея. Слово "народ", наряду с понятиями "рабочий", "крестьянин", "трудящийся" заняло самое почетное место в политическом лексиконе. Чрезвычайно сложно перечислить все эпитеты, смысловые контексты употребления этого слова и тона, в которые оно было окрашено, но важно одно: слово поистрепалось и выцвело, из него было выхолощено первоначальное содержание — народ стал "движущей силой истории". Апофеозом одновременного возвеличивания народа и доведения до абсурда идеи народности стал грандиозный, но не осуществленный проект строительства Дома Советов, призванный быть воплощенным в архитектурной форме символом народовластия.

Беднейшие слои населения стали главными героями дня. Большевицкий популизм, сохранивший традиции популизма "народолюбческого", в отличие от ранее существовавших в России популистских ориентаций, выражал, тем самым, реакцию неимущего большинства как на законы индустриального общества, так и на перспективу частновладельческого землепользования, сопряженного с расстройством крестьянства. Отсюда такой успех в разжигании неистовства масс вокруг политических процессов, приобретших оттенок средневековой карнавальности. Популизм стал атрибутом государственной идеологии, он вжился в нее, сохранив всю двойственность в отношении к капитализму, государству, крестьянству и т.д. При этом, как и всякий популизм, он не перестал быть "анти" /антигосударственным, антимонополистическим, анти .../, но в нем превалировало "про" /прогосударственная политика, проофициальное мнение, промонополистические настроения/. Он продолжал свой век в странном облики "друго-врага". Это афористическое определение Чернова, употребленное им однажды при характеристике марксистского видения перспектив капиталистического развития, как нельзя лучше обнажает сущность большевистского популизма в целом. Совершенствуя организационные формы диктатуры, он одновременно адресовал "народу" идею перерастания диктатуры пролетариата в народовластие с перспективой полного отмирания государства. Создавая изощренную систему привелегий и бюрократическую иерархию, он в первые же дни после переворота объявил им непримиримый бой. Разрушая культурное достояние и духовность своей страны, он заявлял о высокой идейности. Поскольку же, как полагали большевики, народ пришел к власти, они присвоили его Имя. Вот характерное рассуждение: "Мы не ограничиваем себя задачей стороннего наблюдателя в целях предвидения тех или иных волеизъявлений масс, мы сами, сознавая себя элементом этих масс, стремимся активно сформировать и сконцентрировать их волю на определенных конкретных заданиях, идущих по пути осуществления конкретных идеалов пролетариата"¹.

С момента присвоения большевиками народного имени и подавления оппозиции в России исчезло понятие покаяния и чувство ответственности за судьбу своего народа. Традиционный русский по-

¹ Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпитоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 11.

пулизм ушел с политической сцены. В большевистской /коммунистической/ идеологии популизм уже не имел прямой, непосредственной связи с почвой и народной духовностью. Русская идея была демонстративно отброшена как ненужный хлам. Тем не менее, отсюда не следует, что коммунизм оказался чужеродным наростом на теле вековой русской культуры. Своими обещаниями скорого построения общества равенства и социальной справедливости он будоражил струны народного духа, испытывавшего потребность в мечте о земном рае. Здесь не место воспроизводить портрет коммунистического светлого будущего — он слишком хорошо известен, можно лишь подчеркнуть, что коммунистическая идея, пропущенная через фильтр народного мировосприятия, очищенная от тяжелого каркаса категорий, смысл и содержание которых был не всегда доступен представителям разных поколений коммунистических лидеров, весьма напоминала мечты о рахмановом острове, о граде Китеже и Беловодье. Все было то же самое: и отсутствие чиновников, и централизованного государства с его учреждениями, и гарантии от всякой вражды, воровства, нарушения законов, были те же "плоды в изобилии, сладости и винограды", все было бесплатно. Не было только священников и веры — в этом основное отличие. Именно так воспринимался атеистический рай. Его по-народному наивный, мечтательный, но суховатый эскиз был скуплезно очерчен в известной партийной программе. Само собой разумеется, что популистская психология в контексте официальной идеологии перестала быть психологией оппозиции. Получив официальное обрамление, популизм свелся к техническим идеологическим средствам, обеспечивающим манипулирование массовым сознанием и поддерживающим иллюзию народности проводимой политики. К числу таких средств я бы отнес:

— "Благословение именем народа" — создание средствами массовой информации атмосферы единодушной народной поддержки политических акций: принятия новой Конституции, решений съездов партии, различных программ;

— "Отлучение" — организованная под видом народного гнева и негодования кампания с целью преследования политических противников, диссидентов, объявляемых "врагами народа";

— "Обсуждение" — обязательный атрибут акта принятия важнейших законов и программ, выносимых на "всенародное обсуждение",

проводимое чисто формально;

- "Письмо" - цитирование строк из писем с мест с выражением голоса народа в поддержку правительства или в целях изобличения врагов; бичевания отдельных недостатков в быту, на производстве;

- "Обещание" - громогласное провозглашение планов очередного снижения цен или контрольных цифр экономических и социальных программ, демонстрирующее постоянную заботу о народе;

- "Здравница" - обязательный атрибут торжественных речей, наглядной агитации, возвеличивающий народ в виде лозунга;

- "Любование" - атрибут социалистического реализма в литературе и искусстве, выражающийся в гиперболизированном героическом изображении простого человека, народа-труженника, народа-победителя. Сюда же относится украшение скульптурными и графическими изображениями рабочих, крестьян интерьеров и экстерьеров зданий, парков и других присутственных мест;

- "Служение народу" - создание вокруг руководителей всех звеньев всеми идеологическими средствами ореола святости и тяжести взятого на себя бремени отстаивания интересов народа перед лицом бюрократов, паникеров, врагов;

- "Совет" - поддержание образа власти, постоянно советуемой с народом: с ходоками, с рабочими у станка и др.;

- "Хождение в народ" - посещение руководителями производственных коллективов с целью "руководства на месте", общения с народом, работы в "туше масс";

- "Инициатива" - кампания по организации массовых мероприятий: субботников, сборов денежных средств или подписей, борьбы с алкоголизмом и др. по "просьбе народа". "Инициатива" демонстрирует "творческий потенциал" народа и его самостоятельность в принятии решений;

- "Все мы из народа" - культивирование ощущения простоты и доступности власти, ее прозрачности, подчеркивание народного происхождения руководителей, единства всего общества;

- "Демонстрация" - организация массовых шествий, участвуя в которых, народ видит себя со стороны, ощущает свою силу;

- "Манекены" - обязательное присутствие представителей простого народа в пародийных органах власти и управления, запланированные выступления от рабочих и крестьян на собраниях, митингах и т.п.;

- "Лубок" - издание огромными тиражами дешевых брошюр с выступлениями вождей, портретов руководителей, примитивизация языка печатных текстов и устных выступлений, нарочитое использование в них народных выражений. "Лубок" известен еще со времен народников, в прокламациях которых мелькают слова: "эвто", "чтой-то, братцы", "лиходеи"; "баял"; "пондравилось". У большевиков встречаем: "охвостье", "сволочь", "мерзавцы"; "развенчанные негодяи" и др.

Безусловно, можно вычленил и другие средства, достойные жанра антиутопий, но уже и здесь очевидно, что в большевистском популизме манипуляциям с народным именем придавалось значение инструмента социальной мимикрии, позволяющего при любых обстоятельствах находить оправдание содеянному и обеспечивать себе поддержку со стороны массы.

8. "ЦАРИ" - ИЗБАВИТЕЛИ

В тысячелетней истории Руси период коммунистического правления - лишь эпизод, хотя и длительный, оставивший глубокие раны. По своему резонансу он сравним с монгольским нашествием, воспоминания о котором никогда не исчезнут из народной памяти. Оценивая его воздействие на судьбы поколений, можно провести параллели и с менее значительными эпизодами - с суровыми годами тяжелых испытаний в периоды правления разных царей, с годами так называемых лихолетий, провоцировавших народные волнения и восстания. В это время в обществе усиливались апокалипсические настроения и, как следствие, в массовом сознании происходили сдвиги: легенды о земном рае сохраняли свою актуальность, но они меркли, отодвигались на второй план на фоне вдохновенного ожидания царей-избавителей. Превалировал мотив спасения, руководствуясь которым россиянин обретал надежду в легендах об освободителе Метелкине, верил царям-самозванцам или же рассказам разного рода пророков о батюшке-царе Петре-III, пел песни о спасителе Михаиле. Суть такого рода легенд изложена в "Житии Андрея Кюродивого", вошедшего в Великие Четьи Минеи Макария, включившие в свой состав жития, распространенные на Руси в XV - начале XVI вв.: "В последняя дни воставит бог царя от нищеты; ходити начнет по мнозе правде, и

всякую брань сотворить, и будутъ лета, яко же суть были при Ное. Будутъ бо человеци во дни его богати велми в мире велицы, ядуще и пьюще, женящися и посягающе, и ходяще бес боязни ратного и бес печали ходяще по земле, занеже брани не будетъ; и съсекут мечи своя и стрелы и копия на косы и серпы и на железа радная, им же землю делати".

Как видно, в народном сознании зрело желание увидеть на престоле царя своего. Только царь от нищеты — царь земли, а, следовательно, и всего народа русского. Только свой царь накажет всех чиновников, а бедных сделает богатыми, как бояр, только он даст еду и питье, обеспечит покой, при котором и оружие будет не нужно.

Как бы ни были далеки и не схожи с нашим временем конкретные события прошлого, породившие подобные мечты и легенды, они созвучны современности. Массовая психология удивительно живуча. Она способна аккумулировать, сохранять и проносить через века стереотипы мышления. Казалось бы, давно забытые и архаичные верования, вдруг неожиданно всплывают на поверхности российской повседневности. Так было в роковые революционные годы в начале века. Время, описанное Горьким в "Несвоевременных мыслях" было отмечено, если не ожиданием царя от нищеты, то полной утратой уверенности в свои собственные силы: "Это народ, вся жизнь которого строилась на "авось" и на мечтах о помощи откуда-то извне, со стороны — от Бога и Николая Угодника, от "иностраных королей и государей", от какого-то "барина", который откуда-то "приедет" и "нас рассудит"¹. Час новой русской революции тоже начался под знаком растерянности, неуверенности и ожидания спасителя, по возможности, из своей среды, то есть, "царя от нищеты".

Поначалу избавители пришли из числа коммунистов-реформаторов, они даже пережили чувство покаяния в отрыве от народа и за свою вину перед ним, подобно тому, что испытало русское дворянство в XIX в. Но не раскаяние определило характер новой популистской волны. Почувствовав некоторую свободу, население приложило все усилия для избрания своего отца-избавителя, а одновременно оно приняло самое деятельное участие в выдвижении своих избранников-депутатов. Охваченные духом состязательности, обличения и выяснения отношений в попытках завоевать сим-

¹ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 133.

патии народа, отстоять его наказы и пожелания, они невольно оказались продолжателями традиции популизма. И популизм этот сполна несет на себе следы нашего времени — времени разочарования в обретении очередного варианта земного рая и ожидания "царей" — избавителей. Люди, вступившие на стезю большой политики не обманули ожиданий населения, но в данном случае в историю русского популизма и популизма вообще не было привнесено чего-нибудь нового. Популизм остался техникой большой политики, играющей на чувствах и мечтах граждан. Как это было уже не раз, он обнаружил себя в громких словах и лозунгах: "отныне и навсегда покончим с пьянством — это требование народа", "берите суверенитета столько, сколько сможете", "экономические реформы ни в коем случае не будут сопровождаться повышением цен и снижением уровня жизни народа", "всем будет трудно в течение полугода, а затем наступит улучшение", "не уйдем со съезда, пока не примем решения о повышении зарплаты, иначе народ нас не поймет"... Популизм проявился и в особых поведенческих характеристиках и стереотипах действий, нацеленных на создание соответствующего образа "царя"-избавителя:

- "Царь от нищеты" — стремление продемонстрировать простую одежду, обувь, поездки в обычных автомобилях, посещение простых магазинов, публичный отказ от дач и различных привилегий, их критика;

- "Жест" — тяга к принятию популярных решений /о повышении зарплаты отдельным категориям граждан, о мерах по социальной защите населения/ накануне выборов, референдумов, в подведение итогов съездов;

- "Заверение" — обещания трудиться с удвоенной энергией в случае поддержки избирателей и категоричные заверения удовлетворить интересы различных слоев населения;

- "Забота" — настойчивое, пусть даже противоречащее здравому смыслу и ранее принятым решениям, требование выделения дотаций, повышения зарплаты, обеспечения льгот или особых условий деятельности для отраслей народного хозяйства, отдельных предприятий или регионов, как выполнение народных наказов;

- "Железная рука" — объявление о намерении в короткие сроки решить все проблемы, навести порядок в стране, жестко определить позицию страны в международных делах с позиции силы в

случае избрания на высокий пост;

— "Оратор" — непосредственное обращение к народу путем выступления на улицах, на площадях, братание со слушателями;

— "Мнение" — отказ принимать окончательное решение, "не посоветовавшись с народом", не узнав его мнения;

— "Беседа" — обязательное общение с кем-либо из случайно встреченных простых людей во время поездок по стране, незапланированные беседы с толпой;

— "Телеграмма" — ссылка на многочисленные телеграммы от народа, как наиболее веский довод при обосновании своей позиции;

— "Аргумент" — угроза в адрес одной из ветвей власти, органов управления и т.д., заключающаяся в обещании обратиться непосредственно к народу в случае непринятия какого-либо решения, неуступок;

— "Милосердие" — публичный жест доброй воли в виде пожертвований части личных денежных средств нуждающимся, реализация валютных гонораров на приобретение отсутствующих в стране лекарств и др. /данный прием можно считать популистским в силу того, что по традиции акт милосердия принято совершать негласно/;

— "Вера" — широко-рекламируемое посещение бывшими высокопоставленными атеистами храмов и праздничных богослужений с целью завоевать популярность у верующих;

— "Стена" — мучительный дискомфорт от нерешенности вопроса о том, как установить непосредственный контакт с народом, минуя бюрократические структуры;

— "Одиночество" — болезненное недоверие к ближайшему окружению, надежда на единственную опору в народе;

— "Оправдание" — склонность адресовать народу обвинения в адрес политических деятелей, властных органов, партий или движений в оправдание собственных промахов и неудач; и др.

Не следует обвинять кого-либо в умышленном использовании подобных образцов поведения и стереотипов, то есть в превращении их в специальные технические приемы. Думается, что большинство политических лидеров, в поведении и психологии которых прослеживаются популистские мотивы, действуют на манер "паря"-избавителя вполне искренне, в соответствии со своими при-

вычками и убеждениями. Даже настоящий русский царь без какого-либо юродства совершенно естественно поступал таким же образом¹. Таковы правила: политик, не исполняющий роли "царя"-избавителя, не продержится на олимпе. Но популярностью пользуется тот, кто способен не просто играть роль, а вживаться в нее в силу особенностей своего характера и призвания. Отсюда политики исполняют роль "спасителей" и обещают избавить народ то от коммунистического прошлого и засилья бюрократического аппарата, то от обнищания, высоких цен и преступности. Они заявляют о верховном суверенитете народа и обвиняют в засилии "центр". Некоторым из них видится тень сионистско-массонского заговора против русского народа, другим хочется вернуть страну за "железный занавес" и они требуют защитить народ от козней Запада, третьи мечтают об идеале Святой Руси. В данном случае не важно кто они — демократы, коммунисты, социалисты, либеральные демократы или национал-патриоты. Популизм имманентен их психологии и вере. Здесь они мало чем отличаются от зарубежных коллег-политиков /"зеленых", сторонников движения потребителей и др./. Но есть одна особенность: пока российское общество не

¹ Известно, что Николай-II, которого Н.О.Лосский именовал "христианским народником", не только практиковал в собственном быту народный стиль, но и пытался распространить его на государственные учреждения. Он надевал красные крестьянские рубахи, обязал одеваться в них стрелков императорской фамилии и даже вынашивал планы замены придворных мундиров боярскими костюмами времен Алексея Михайловича. Николай никогда не упускал случая побеседовать с двумя-тремя крестьянами от сохи во время посещения волостей. Его постоянно занимал вопрос о том, как обойти "средостение" между тронem и народом, то есть вопрос о непосредственном общении с массой. Царь искренне верил депутациям от народа с выражением верноподданнических чувств. Он серьезно показывал на телеграммы, в которых выражалась народная любовь к нему даже незадолго до своего низложения. И царь и царица были уверены, что народ их обожает и только Государственная дума и ближайшее окружение вносят смуту, отсюда они замыкались в узком кругу лиц, в надежде найти опору в народе. /См.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 24-25, 233/.

стратифицировано достаточно определенно, популизм будет жить в тепличных условиях. Он сродни идеологии, стремящейся выступать от имени всех, а в настоящее время для этого есть необходимые основания — народ выступает как абстрактное нерасчлененное целое. Сегодня как никогда трудно понять, что же скрывается за словом "народ"? Я уже показал, что в разное время в это слово вкладывали разное содержание. В нем видели и вселенскую церковь и "мужика", и особую, обладающую даром бессознательно-го творчества общность, и просто "трудящегося". Сегодня в нем, скорее всего, видят все население, всех граждан и даже не пытаются определиться с этим понятием. Предмет почитания и возвеличивания остается *terra incognita*. Как ни парадоксально, но конкретный народ не существует для современных политиков. Есть только пустая, затертая абстракция народа. Традиционный русский популизм в этом плане выглядит намного лицепрятнее, поскольку его выразители мучительно пытались понять и найти ответ на вопрос: "Кто есть народ?" В поисках ответа ими был создан целый пласт русской культуры, воплотившийся в прозе Н.Н.Златовратского, Ф.Д.Нефедова, А.И.Эртеля, Г.И.Успенского, в лирике Н.А.Некрасова, в стихах Фигнер, Ф.В.Волховского, в деятельности журналов "Отечественные записки", "Слово", "Дело", "Русское богатство". Старые популисты были убежденными почвенниками, поэтому за их взглядами прослеживается глубокое знание исторического прошлого народа, его культуры, языческих и христианских верований и обрядов. Их трагедия состоит в том, что они преувеличили значение народных утопий, взяли их за образцы поведения и придали им политическое звучание. С этого времени началось выхолащивание содержания понятия "народ" — оно стало знаменем в попытках практической реализации утопий в политическом противоборстве. Сегодня было бы тщетно пытаться вычлени какую-то стройную систему, подобную идеалу "Беловодья" в современном популизме. За словом "народ" решительно нет никакой культуры и глубокого знания народной традиции. Поэтому само слово звучит лживо и лицемерно: заискивающее, путающее, одобряющее, негодующее, заклинающее и т.д. В полной мере сохраняют свой первоначальный смысл слова того же Горького, адресованные большевикам: "Наши социальных дел мастера затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное пред-

ставление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладая знанием духовной среды, духовных свойств материала¹.

Справедливости ради следует отметить, что процесс, подобный становлению традиции русского популизма в XIX веке начинает разворачиваться и сейчас. В лоне русской Православной церкви предпринимаются шаги, с которых некогда начинали славяно-филы: уточняется соотношение понятий "нация" и "народ", обосновывается религиозно-философский статус этого понятия². По мере развития и возрождения очагов русского казачества все большее внимание уделяется традиционным формам самоуправления. Все чаще можно услышать голоса в пользу старого крестьянского мира и восстановления духа общинности. Но кажется, что возрождение былого принимает игрушечные формы и думается: это голоса запоздалые. По крайней мере, возрождение Святой Руси с идеалом соборности / единства народа, власти и церкви, скрепленного сознанием духовной общности русского народа и его служением общему делу / – это проблема. Более важно следующее: эти процессы тоже разворачиваются под знаком спасения и ожидания царя-избавителя, но уже не условного, а настоящего. Эти процессы тоже насквозь политизированы. Здесь "народ" – опять понятие политическое /но политическое ли оно, может быть историческое, этнографическое, философское, религиозное, просто мировоззренческое, но не более того?/. Его сразу же подхватывают национал-патриотические силы и превращают в лозунг. Возрождается почвенный популизм с монархической националистической окраской, с нетерпимостью и чувством враждебности к иной вере, к иной форме власти, к иной национальности.

И в поведенческих стереотипах и в облики традиционного почвенничества популизм сегодня деструктивен. Лозунг народного суверенитета, сочетающийся со стремлением представителей власти обращаться непосредственно к народу и бросающими на ветер невыполнимыми обещаниями, подрывает легитимность государственной власти, подпитывает анархистские патерналистские на-

¹ Горький М. Указ. соч. С. 135.

² О народе-богоносце, народе-хранителе православной веры см.: Митрополит Иоанн. Державное строительство // Советская Россия. 14 ноября, 1992 г.; Он же. Быть русским // Советская Россия. 12 сентября 1992 г.

строения. Популизм в националистическом одеянии провоцирует рост русофобских настроений в обширной и многонациональной стране. Как и всякий популизм, он содержит в себе установку на разделение общества по формуле "друзья и враги народа". И в этом своем качестве он противоречит ценностям гражданского общества:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Популизм в России имеет почти двухсотлетнюю историю. За это время он проявлялся и в форме официального народолюбства властей, нацеленного на стабилизацию общественного строя в настоящем, и в виде религиозного ретроспективного взгляда в прошлое, обращенного ко временам апостольским и Святой Руси. Наиболее же звучно и объемно он раскрылся в деятельности русской интеллигенции XIX столетия, утопическая мысль которой была устремлена в перспективу.

Везде русский популизм связан с идеализацией народа, но основания для данной идеализации различны. В прошлом веке становление популизма прошло под знаком искажения и осознания элитарными слоями общества своей оторванности от народа. Поэтому традиционный популизм был популизмом почвенным, нацеленным на "возвращение" к народным истокам и на практическую реализацию народных утопий по типу беловодской легенды. В части познания народной культуры представители традиционного популизма достигли несомненных успехов и зачастую они были реалистами в политике. Иначе в XX столетии. Главный мотив здесь — мотив спасения, а основной идеал — "царь"—избавитель. Популизм политического лидера в данном случае проявляется преимущественно в стереотипах и образцах поведения — своеобразных "доказательствах" своей способности выполнять роль спасителя народа. Отсюда популистские заявления приобретают оттенок декларативности, бессодержательности. С их помощью осуществляется манипуляция массовым сознанием.

Пройденный путь показал, что есть грань между народностью в политике и популизмом. Народность — реализм, основанный на знании культуры, веры, традиций разных народов. Популизм —

возведение традиции одного народа в абсолюте, попытка подчинить все устройство жизни одному утопическому образцу. Народность — политическая стратегия, нацеленная на поддержку многоликости общества и подразумевавшая наличие в нем элит. Популизм — психология упрощения, обезличивания, связанная с желанием "подтянуть" все слои общества до среднего уровня. Народность — деятельность, основанная на рациональном расчете, не всегда популярная, однако, ведущая, хотя и не ко всеобщему, но росту благосостояния разных социальных групп. Популизм — слепое следование за групповыми настроениями, подыгрывание им с целью завоевания симпатий и поддержки проводимого курса.

Опыт русского популизма свидетельствует, что декларации о суверенитете народа, о непосредственной народовласти — это миф. Я думаю, что поражение традиционного русского популизма есть, в какой-то мере, и поражение идеи "самодержавности" народа. "Народ" не обладает достоверным знанием форм оптимального мироустройства и не вырабатывает их самостоятельно в условиях индустриального общества. В глубинах народного духа живут и рождаются утопические легенды и мечты, отнюдь не предназначенные для их воплощения на практике. Возможно, есть мечта и у современного русского народа. Однако, не зависимо от ее содержания, ясно одно: сегодня следует с большой осторожностью относиться к лозунгу "Власть народа посредством самого народа". Россия нуждается в генерации новых гуманитарных идей, в сильной и самостоятельной легитимной власти, а не в поиске нового "Беловодья".

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Радетели блага народного	4
2. Россия кающаяся	6
3. Узреть "Беловодье"	9
4. Вокруг общины	22
5. К пролетарскому раю	29
6. Жить на земле	37
7. Исход	46
8. "Цари"-избавители	59
Заключение	66

Руденко Виктор Николаевич

РУССКИЙ ПОПУЛИЗМ: ИСТОКИ, СМЫСЛ, СУДЬБА

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института философии и права УрО РАН**

Подписано в печать 26.04.93г. Формат 60х84 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,19. Тираж 200 экз.

Заказ № 1765

Уральское отделение АН СССР. Институт философии и права.
620144, г.Екатеринбург, ГСП-559, ул.8-е Марта, 68

Отпечатано в Уральском институте типового проектирования
620004, г.Екатеринбург, ул.Чебышева, 4